18+

Юрий Драздов

Кровавый фарм-сервер: Диктатор и бездна

Юрий Драздов

Кровавый фарм-сервер: Диктатор и бездна

https://litres.ru/74151138
ISBN 9785007009645

Аннотация

Арт, известный как «Архитектор», победил всех открытых врагов и установил железный порядок в секторе 7-Гамма. Он — Системный Букмекер и топ-игрок, чей абсолютный навык «Анализ слабости» позволяет ему видеть любые уязвимости и управлять реальностью. Но плата за божественное могущество оказалась смертельной: его мозг необратимо деградирует, и жить ему осталось меньше года.

Пока его империя трещит по швам под натиском экономического кризиса и нового заговора.

Содержание

Глава 1. Новый порядок 6
Часть 1. Трон из пепла 7
Часть 2. Манифест Букмекера 18
Часть 3. Глухое сопротивление 23
Часть 4. Утилизация 27
Часть 5. Печать порядка 33
Глава 2. Канцелярия Прогнозов 41
Часть 1. Архитектура власти 42
Часть 2. Двойное бремя Айлы 49
Часть 3. Вскрытие разведданных 54
Часть 4. Конвейер утилизации 58
Часть 5. Протокол 60
Часть 6. Тень знает всё 64
Эпилог главы 73
Часть 1: Анатомия Абсолюта 76
Часть 2: Полигон для Бога 86
Часть 3: Соблазн Абсолюта 97
Часть 4: Предотвращение Невидимого 103
Эпилог главы 109
Глава 4. Разлом в Пустошах 111
Часть 1. Тревожная аномалия 112
Часть 2. У порога Бездны 122
Часть 3. Первый ярус. Бесформенные 127

Часть 4. Второй ярус. Лабиринт вероятностей 134
Часть 5. Третий ярус. Пятый рубеж 139
Часть 6. Нижний ярус. Тварь 144
Часть 7. Трофей Бездны 148
Глава 5: Пятый ярус 153
Часть 1. Трещина в Абсолюте 154
Конец ознакомительного фрагмента. 156

Кровавый фарм-сервер: Диктатор и бездна

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0964-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новый порядок

Часть 1. Трон из пепла

Тишина в Разрушенном Форпосте стояла такая глубокая, что Арт, проснувшись на тридцать пятый день после зачистки «Костоломов», впервые за долгое время не сразу активировал интерфейс. Он лежал на своей жёсткой лежанке из шкур падальщика и смотрел в потолок — на серые каменные плиты, покрытые многолетней копотью от алхимических горелок. В лазарете, где он теперь спал чаще, чем в общем зале, пахло привычным: сушёные травы, спиртовая настойка, старая кровь и что-то неуловимо химическое от склянок на дальней полке. «Сердце Змея» в своём контейнере пульсировало медленным, ритмичным зеленоватым светом, и этот свет отбрасывал на стены дрожащие тени, которые не менялись уже несколько недель.

Он сел на лежанке и привычно коснулся двух амулетов на шее. «Сердце Королевы» грело кожу ровным, почти убаюкивающим теплом. «Зрачок» пульсировал холодным, острым светом, и его восприятие мира сейчас было таким же ясным, как в самые напряжённые моменты Королевской Битвы. Но напряжение ушло. Впервые за всё время его пребывания в Пантеоне не было ни одной активной угрозы в радиусе действия его «Детерминированного анализа». Ни одной красной точки на тактической карте сектора. Ни одной вра-

жеской сигнатуры, требующей немедленного реагирования.

Это должно было бы приносить покой. Но вместо покоя Арт чувствовал — нет, фиксировал — странное, почти неестественное ощущение пустоты.

Он активировал интерфейс и пробежался по системным уведомлениям. Их было мало — гораздо меньше, чем в разгар боевых действий. Система, казалось, тоже впала в своеобразную спячку, ожидая, пока в секторе снова появится какая-то активность.

«Статус пользователя „Арт“: Системный Букмекер, Топ-5 сервера, временный администратор сектора 7-Гамма. Уровень угрозы: максимальный. Протокол наблюдения „Альфа-7“: активен. Внешние порталы: заблокированы (карантин). Время до снятия карантина: не определено».

«Баланс Очков Влияния: 124 780. Резервный фонд стабилен. Пополнение минимально ввиду отсутствия активных ставок».

«Население сектора (оценка): 247 активных игроков. Из них под прямым контролем: 118. Нейтральных: 89. Потенциально враждебных: 0».

«Тотализатор: активность упала на 97% по сравнению с пиковыми показателями. Рекомендация: создать новые события для стимуляции интереса».

Последняя строка привлекла его внимание. Тотализатор, который был главным источником его влияния и ресурсов на протяжении нескольких недель, практически перестал функционировать. Сотни игроков, которые раньше делали ставки на каждый бой, каждую стычку, каждый рейд, либо погибли, либо обанкротились после операции с Ареном, либо просто потеряли интерес к игре, в которой не осталось высоких ставок. Выжженное поле, которое он создал, не могло генерировать прибыль — только тишину.

Он встал и направился в общий зал. Таверна, которая ещё несколько недель назад напоминала штаб-квартиру военной организации, теперь выглядела почти заброшенной. Бойцы, прошедшие через ад последних операций, маялись от безделья. Рун сидел на скамье у очага и методично, почти медитативно точил «Дробильщик» — он делал это каждый день, хотя топор уже был острее бритвы и не нуждался в заточке. Марта стояла у окна, скрестив руки на груди, и смотрела на серое небо — она могла стоять так часами, не произнося ни слова. Торв возился в кузне, но его работа теперь сводилась к бесконечной починке и без того исправного снаряжения.

Шен сидел на балке под потолком, перебирая тетиву своего лука. Он, в отличие от остальных, нашёл себе занятие — выходил на охоту за редкими монстрами на границах Пустошей. Но даже он делал это скорее по привычке, чем по необходимости. Монстры, пережившие катаклизм, держались далеко от Форпоста, инстинктивно чувствуя, что это место принадлежит кому-то гораздо более опасному, чем они.

Эли стояла у стены, сжимая своё усиленное копьё. Она всегда была здесь, когда Арт входил в зал — словно ждала приказа. Но приказов больше не было, и это превратило её ожидание в нечто почти ритуальное. Она стала идеальным солдатом, как и обещала, — но идеальный солдат без войны был просто статуей в ожидании битвы, которая могла никогда не наступить.

Корд стоял у центрального стола, опираясь на топор. Он был единственным, кто не выглядел потерянным — или, по крайней мере, лучше других скрывал это. Его лицо было таким же мрачным, как всегда, но в глазах читалась спокойная, усталая решимость, выработанная годами выживания. Он управлял лагерем с той же эффективностью, с какой вёл бой, — и это, возможно, было единственным, что удерживало Форпост от полного разложения.

Скольд сидел за своим столом в углу, окружённый кипами

бумаг, которые теперь были бесполезны. Его пальцы, привыкшие летать над пергаментом с лихорадочной быстротой, теперь двигались медленно, почти вяло. Он пытался вести учёт ресурсов, составлять отчёты, рассчитывать коэффициенты — но без ставок всё это было пустой тратой времени.

— Аналитик! — произнёс он, увидев Арта. Его голос прозвучал почти радостно — как у человека, который наконец увидел живое существо в пустыне. — Доброе утро! У меня есть сводка за последние сутки. Никаких изменений. Вообще никаких. Третий день подряд.

— Я вижу, — ответил Арт и подошёл к центральному экрану. Он активировал карту сектора — ту самую, которую обновлял каждые несколько дней на протяжении недель. Теперь она выглядела как сплошное серое полотно с редкими вкраплениями синего — территории под контролем Форпоста. Ни одной красной точки. Ни одной оранжевой зоны нестабильности. Только серое, бескрайнее, мёртвое пространство.

— Мы выиграли, — произнёс Корд, глядя на ту же карту. — Только вот не пойму, что с этой победой делать.

— Проблема в том, — ответил Арт, — что победа не создаёт цели. Она её уничтожает. Мы достигли всего, к чему

стремились. Врагов нет. Ресурсов в избытке. Форпост в безопасности. Но это не даёт нам направления. Только стабильность. А стабильность, если она не служит чему-то большему, превращается в застой.

— И что ты предлагаешь? — спросила Марта, отворачиваясь от окна. — Новую войну? Новых врагов?

— Нет. — Арт покачал головой. — Новую систему.

Он активировал свой интерфейс и вывел на общий экран серию данных. Графики, таблицы, диаграммы — всё, что он собирал последние несколько дней, анализируя состояние сектора.

— Смотрите. Текущая популяция сектора — около двухсот пятидесяти игроков. Из них более ста находятся под нашим контролем. Это больше, чем когда-либо было под прямым управлением Форпоста. Но это число сокращается, а не растёт. Причина — не внешние угрозы. Причина — внутренние механики.

— Ежемесячное Голосование, — произнесла Айла, поднимаясь из лазарета. Она, как всегда, появилась бесшумно, словно тень. Её лицо было бледным, а под глазами залегли глубокие тени — она не спала уже несколько суток, пытаясь

найти способ вылечить Ларса. Но её голос был твёрдым. — Каждый месяц Система требует трёх кандидатов на Арену. Каждый месяц один из них умирает. Это сокращает популяцию на двенадцать человек в год — минимум. А с учётом того, что в секторе больше нет притока новых игроков из внешних зон…

— Именно, — подтвердил Арт. — Мы теряем двенадцать человек в год. При текущей численности это означает, что через десять лет сектор будет полностью обезлюжен. Через пять — станет нежизнеспособным. Это неприемлемо.

— И что ты хочешь сделать? — спросил Корд. — Отменить Голосование? Ты же знаешь, что это невозможно. Это базовая механика Системы. Её нельзя просто выключить.

— Я не собираюсь её выключать, — ответил Арт. — Я собираюсь её изменить.

Он развернул на экране детальную схему Арены — ту самую, которую использовал для планирования Королевской Битвы. Но теперь схема была дополнена новыми пометками, расчётами, вероятностями.

— В настоящее время Арена функционирует по стандартному протоколу: двое проигравших и один победитель, ко-

торый поглощает навык убитого. Это поддерживает баланс сил — но ценой постоянной убыли населения. Я предлагаю изменить этот протокол.

— Каким образом? — спросил Рун, отрываясь от заточки «Дробильщика».

— Вместо казни проигравших, — ответил Арт, — мы будем изымать у них девяносто процентов навыков. Они останутся живы, сохранят базовые функции — способность сражаться с низкоуровневыми монстрами, выполнять работу, существовать, — но потеряют почти всю свою боевую мощь. Это превратит их из угрозы в ресурс.

В зале повисла тишина. Все обдумывали его слова. Первым нарушил молчание Скольд — его глаза загорелись тем самым лихорадочным огнём, который появлялся у него перед большими операциями.

— Это гениально! — выпалил он. — Если мы будем не убивать проигравших, а изымать навыки, мы создадим целый класс должников! Людей, которые обязаны нам своей жизнью и которые будут работать на нас, чтобы выплатить этот долг! И тотализатор снова заработает — только теперь ставки будут не на жизнь и смерть, а на степень изъятия! Коэффициенты, страховки, перестраховки — это же новая

экономика!

— А как насчёт самого победителя? — спросил Корд. — В старой системе победитель получал навык убитого. Если проигравший остаётся жив, то навык не передаётся.

— Победитель будет получать часть изъятых навыков, — ответил Арт. — Не все девяносто процентов, а, скажем, десять или двадцать. Остальное будет поступать в общий резерв — под мой контроль. Это даст нам ресурс для усиления лояльных бойцов и создаст дополнительный стимул для участия в Арене.

— И как ты собираешься это реализовать? — спросила Марта. — Ты говоришь об изменении базовых механик Системы. Это не то же самое, что редактирование коэффициентов. Это вмешательство в фундаментальные правила.

— У меня есть доступ к системным протоколам как у Системного Букмекера и Топ-5 сервера, — ответил Арт. — Я не могу изменить саму Систему, но я могу изменить правила её применения в своём секторе. Это похоже на то, как я использовал «Редактор коэффициентов» во время Королевской Битвы — не для отмены события, а для изменения его исхода. Система позволяет такое вмешательство, если оно не нарушает базовые принципы баланса.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

— Кроме того, у меня есть ещё один рычаг. После коллапса Арены и гибели Топ-3, Система перевела сектор в карантинный режим и фактически передала мне административные полномочия. Я могу использовать это, чтобы внедрить новую модель управления. И чем дольше продлится карантин, тем больше укрепится моя власть.

— А что, если кто-то откажется подчиняться? — спросила Эли. Её голос прозвучал ровно, без эмоций. — Ты не можешь заставить всех согласиться на новую систему добровольно. Всегда найдутся те, кто будет сопротивляться.

— Тогда мы их утилизируем, — просто ответил Арт. — Так же, как утилизировали «Костоломов». Без колебаний. Без пощады. Новая система будет обязательной для всех, кто хочет жить в этом секторе. Те, кто откажется, станут врагами. А врагов мы уничтожаем.

В зале снова повисла тишина. Но теперь она была другой — не недоумённой, а скорее мрачно-решительной. Все понимали, что Арт говорит не гипотетически. Он уже доказал, что способен уничтожить любую организованную группу в секторе. И он сделает это снова, если потребуется.

— Когда ты планируешь начать? — спросил Корд.

— Сегодня, — ответил Арт и активировал системное оповещение.

Часть 2. Манифест Букмекера

Он не стал откладывать. Через час после военного совета Арт подключился к системному каналу связи — тому самому, который использовал во время спасательной операции в обсерватории, когда его голос разносился по всему сектору, направляя выживших. Теперь этот канал должен был послужить другой цели.

Он сел в своём кабинете — небольшом помещении в задней части таверны, заваленном бумагами и голографическими картами. На столе перед ним лежал перстень Гаррона — окровавленный символ его победы над последней организованной угрозой. Айла сидела в кресле напротив, сжимая в руках портативный нейросканер. Она всегда была рядом в такие моменты — не для того, чтобы советовать или утешать, а просто чтобы быть его якорем.

Скольд, бледный и дрожащий от возбуждения, стоял у двери с кипой бумаг. Он уже начал просчитывать новые коэффициенты, и его пальцы снова летали над пергаментом с прежней быстротой. Корд, Рун, Марта, Эли и остальные собрались в общем зале — Арт хотел, чтобы они слышали его обращение.

Он активировал интерфейс, настроил канал на вещание по всему сектору и глубоко вздохнул. Его «Анестезия» надёжно блокировала все эмоции, которые могли бы помешать ему говорить холодно и властно, как подобало Архитектору. Но где-то глубоко внутри он осознавал, что эти слова изменят всё.

— Внимание всем игрокам сектора семь-гамма. Говорит Системный Букмекер, временный администратор региона, игрок, известный как Архитектор. С этого момента в секторе вводится новый порядок проведения ежемесячных Голосований и поединков на Арене. Старая система, основанная на казни проигравших, отменяется. Вместо неё вводится система изъятия навыков.

Он сделал короткую паузу, давая слушателям осмыслить услышанное.

— Отныне проигравший на Арене не будет казнён. Вместо этого у него будет изъято девяносто процентов его боевых навыков. Он останется жив, сохранит базовые функции и сможет продолжать существовать как гражданин сектора. Победитель получит не полный навык убитого, а часть изъятой силы — в качестве награды за свою победу. Остальная часть поступит в резервный фонд под моим контролем и будет использоваться для усиления лояльных игроков и под-

держания порядка в секторе.

Снова пауза. Арт знал, что сейчас во всех уцелевших лагерях, во всех укрытиях, во всех руинах игроки замерли, слушая его голос. Те, кто знал его лично, — с трепетом. Те, кто только слышал легенды, — с ужасом или недоверием.

— Эта реформа имеет три цели. Первая: сохранение популяции сектора. Каждый убитый игрок — это потерянный ресурс. Каждый живой игрок — это потенциальный работник, боец, налогоплательщик. Мы не можем позволить себе продолжать терять людей. Вторая цель: создание стимула для развития. Игроки, лишённые большей части навыков, будут вынуждены работать, чтобы выжить. Это создаст экономику, которой сейчас нет. Третья цель: укрепление порядка. Под моим контролем будет находиться резерв навыков, достаточный для того, чтобы подавить любой бунт или внешнюю угрозу. Это гарантирует стабильность.

Он перевёл дыхание и продолжил, ужесточая тон:

— Новый порядок обязателен для всех игроков в секторе. Те, кто попытается сохранить старую систему — проводить несанкционированные казни, нападать на моих представителей или отказываться от участия в реформированной Арене, — будут признаны врагами порядка. А враги порядка подле-

жат полной ликвидации. Без исключений. Без пощады. Без переговоров.

Он сделал финальную паузу и завершил обращение словами, которые должны были навсегда закрепиться в памяти каждого, кто их слышал:

— Выживание — это не право. Это привилегия. И те, кто хочет её сохранить, будут соблюдать новый порядок.

Он отключил канал и откинулся на спинку стула. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием алхимической горелки и гулом ветра за окнами.

Айла посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Ты объявил войну традициям, — тихо произнесла она. — Старые игроки привыкли к тому, что Арена — это закон. Они верили в это. Они строили вокруг этого свою жизнь. А ты только что сказал им, что всё это больше не имеет значения.

— Да, — ответил Арт. — Потому что старые традиции вели к вымиранию. Новый порядок — к выживанию. Это просто уравнение.

— Это не просто уравнение, — возразила Айла и покачала головой. — Это объявление войны. И она начнётся раньше, чем ты думаешь.

Часть 3. Глухое сопротивление

Первые признаки сопротивления появились уже к вечеру того же дня. Шен, который патрулировал восточные границы, доложил о подозрительной активности в квадрате девять-гамма. Несколько групп игроков — выживших из старых гильдий, — которые до этого момента держались нейтрально, начали стягиваться к заброшенному аванпосту на периферии сектора. Их передвижения были осторожными, но не скрытными — словно они хотели, чтобы их заметили.

— Сколько их? — спросил Арт, разворачивая тактическую голограмму.

— Трудно сказать точно, — ответил Шен через канал связи. — По моим оценкам, около тридцати-сорока бойцов. В основном средние уровни, от тридцатого до пятидесятого. Но есть несколько сигнатур выше — возможно, офицеры или лидеры.

— Кто их возглавляет?

— Точно неизвестно. Но мои источники сообщают, что они называют себя «Истинными». Или «Хранителями Первой Крови». Что-то в этом роде.

Арт кивнул. Он ожидал чего-то подобного. В секторе всегда были игроки, которые верили в святость старых механик — для них Арена была не просто боем, а ритуалом, сакральным актом, подтверждающим их веру в Систему. Они воспринимали нововведения Архитектора как богохульство.

Корд, стоявший рядом с ним, нахмурился.

— Тридцать-сорок бойцов — это немного. Мы можем раздавить их за полчаса.

— Можем, — согласился Арт. — Но я не хочу их раздавливать. Я хочу, чтобы они сами пришли к нам.

— Зачем?

— Потому что если мы нападём первыми, они станут мучениками. Их смерть вдохновит других. Создаст легенду о «героях, павших за старую веру». Это неэффективно. — Он активировал детальную схему аванпоста. — Мы позволим им собраться, укрепиться и объявить свой вызов. А затем мы ответим так, чтобы никто больше не захотел бросать нам вызов.

План сработал именно так, как он и предсказывал. На сле-

дующее утро лидер «Истинных» — игрок сорок седьмого уровня по имени Торвальд, бывший офицер «Пламени», выживший после Королевской Битвы, — выступил с открытым обращением. Он обвинил Архитектора в узурпации власти, в нарушении священных законов Пантеона и в трусости — потому что «настоящий воин не прячется за изъятием навыков, а принимает смерть как должное».

Арт выслушал это обращение молча, стоя на крыше таверны. Айла была рядом. Корд, Рун, Марта, Эли — все собрались, ожидая приказа.

— Они хотят драки, — произнёс Рун, сжимая «Дробильщик». — Давай дадим им драку. Чего тянуть?

— Потому что драка — это не то, что им нужно, — ответил Арт. — Они хотят зрелища. Мученичества. Чтобы их смерть выглядела как благородная жертва. Я не дам им этого. Мы не будем атаковать их как воины. Мы будем действовать как администраторы.

Он активировал общий канал связи, настроенный на частоту «Истинных», и заговорил:

— Торвальд. Ты назвал меня трусом и узурпатором. Ты призываешь своих людей умирать за старые законы. Но я

предлагаю тебе альтернативу. Сдайтесь сейчас, и вы все останетесь живы. Ваши навыки не будут изъяты. Вы просто подпишете контракт и станете частью новой системы. Это предложение действительно в течение часа. После этого вы все будете уничтожены.

Ответ пришёл через несколько минут. Торвальд, полный ярости и веры в свою правоту, отказался.

И тогда Арт отдал приказ.

Часть 4. Утилизация

Операция по подавлению мятежа заняла меньше четырёх часов. Арт координировал её с крыши таверны, используя «Детерминированный анализ» для просчёта каждого шага. Он не давал мятежникам ни единого шанса на героическую гибель — вместо этого он методично, шаг за шагом, изолировал, дробил и уничтожал их.

Первая фаза — изоляция. Шен и его разведчики скрытно сняли всех часовых на периметре аванпоста. Никаких выстрелов, никаких заклинаний, которые могли бы поднять тревогу. Только тихие, точные удары. Через полчаса мятежники оказались в полной информационной блокаде — они не видели, что происходит снаружи, и не могли скоординировать оборону.

Вторая фаза — деморализация. Арт использовал «Редактор коэффициентов», чтобы создать серию мелких, но неприятных событий внутри аванпоста. Запасы продовольствия испортились. Оружие начало давать сбои. Магические барьеры, которые мятежники установили для защиты, стали нестабильными и начали пропускать холод. Люди Торвальда, ещё вчера готовые умирать за идею, теперь дрожали от холода и голода, не понимая, что происходит.

Третья фаза — удар. Когда сопротивление было максимально ослаблено, Корд, Рун, Марта и Эли вошли в аванпост. Это не было боем в обычном смысле — скорее, зачисткой. Мятежники, измученные и дезориентированные, почти не оказывали сопротивления. Те, кто пытался сражаться, были убиты быстро и без лишних церемоний. Те, кто сдавался, были взяты в плен.

Торвальда нашли в подвале аванпоста — он сидел, прижавшись спиной к стене, и сжимал в руке меч. Его глаза горели ненавистью, но руки дрожали. Он понимал, что проиграл.

— Ты не воин, — прохрипел он, когда Корд и Рун вошли в подвал. — Ты… ты даже не вышел на бой. Ты прятался там, в своей башне, и убивал нас издалека.

— Я Архитектор, — ответил Арт через канал связи, и его голос, искажённый модулятором, разнёсся по подвалу. — Моя задача — не участие в бою. Моя задача — организация победы. Ты мог бы стать частью этой системы, но ты выбрал путь вражды. Теперь ты заплатишь за это.

— Убейте меня! — выкрикнул Торвальд и выпрямился. — Я не боюсь смерти!

— Я знаю, — ответил Арт. — Именно поэтому ты не умрёшь.

И он приказал изъять у Торвальда девяносто процентов навыков. Прямо там, в подвале, на глазах у его бывших товарищей. Это была первая публичная демонстрация нового порядка — не казнь, а то, что Арт называл «утилизацией». Лишение силы. Превращение воина в обычного человека, который больше не мог держать меч, не мог активировать заклинания, не мог представлять угрозу.

Торвальд кричал. Это был крик не физической боли — сама процедура была почти безболезненной. Это был крик ужаса от осознания того, что он перестал быть собой. Что всё, ради чего он жил, всё, чему он поклонялся, — его сила, его честь, его вера, — было отнято у него в один момент.

Когда всё закончилось, его вывели во двор аванпоста, где уже собрали остальных пленных. Двадцать семь человек — всё, что осталось от «Истинных». Они стояли на коленях, окружённые бойцами Форпоста, и ждали своей участи.

Арт обратился к ним через общий канал. Его голос звучал ровно, без тени эмоций:

— Вы видите вашего лидера. Он жив. Он дышит. Он может ходить, говорить, работать. Но он больше не воин. Он гражданин — первый гражданин нового порядка. Те из вас, кто сложит оружие сейчас, присоединятся к нему. Вы сохраните свои жизни и получите возможность работать на благо сектора. Те, кто откажется, будут уничтожены. Выбор за вами.

Почти все сдались. Только двое попытались атаковать — и были немедленно убиты Эли, которая стояла в первом ряду, сжимая копьё. Она действовала быстро, без колебаний, как идеальный инструмент, которым стала.

К вечеру того же дня бунт был полностью подавлен. Аванпост разорён, «Истинные» как организованная сила перестали существовать. Торвальд, лишённый навыков, был отправлен на принудительные работы в шахты. Остальные пленные подписали контракты с Форпостом.

Арт наблюдал за возвращением группы с крыши таверны. Айла стояла рядом, положив руку ему на плечо. Она молчала, но её присутствие было красноречивее любых слов.

— Ты сделал это, — тихо произнесла она наконец. — Подавил бунт за один день.

— Да, — ответил Арт.

— Ты превратил их лидера в… ничто. В оболочку. Он жив, но он перестал быть собой. Это хуже, чем смерть.

— Это эффективнее, чем смерть, — возразил Арт. — Его смерть создала бы мученика. Его лишение силы создало пример. Наглядный, неопровержимый пример того, что новый порядок реален и необратим. Те, кто увидит его, больше не захотят бунтовать.

— Или наоборот, — заметила Айла и убрала руку. — Те, кто увидит его, поймут, что ты — монстр. И решат, что лучше умереть в бою, чем жить рабами.

— Возможно, — согласился Арт и повернулся к ней. — Но у них не будет выбора. Потому что я не дам им шанса на героическую смерть. Я отниму у них всё — их оружие, их союзников, их надежду, — прежде чем они успеют что-то решить. Такова суть нового порядка. Не война. Контроль.

Айла долго молчала, глядя ему в глаза. Затем она медленно кивнула:

— Ты стал Системой, Арт. Не её инструментом — её воплощением. Ты говоришь о контроле, об эффективности, об

утилизации. Это те же слова, которые использует Система. Ты стал тем, против чего мы боролись.

— Мы никогда не боролись против Системы, — ответил Арт и покачал головой. — Мы боролись против Топ-3. Против их власти. Против их угрозы. Но не против Системы. Система — это просто набор правил. А правила можно изменить. Можно адаптировать. Можно использовать. Что я и делаю.

— И как далеко ты готов зайти? — спросила Айла. — Сколько ещё людей ты превратишь в оболочки, чтобы сохранить свой «порядок»?

— Столько, сколько потребуется, — ответил Арт и отвернулся к серому небу.

Часть 5. Печать порядка

Ночь опустилась на Форпост. Бойцы, вернувшиеся с аванпоста, разошлись по казармам. Раненых не было — операция прошла почти без потерь. Эли стояла у окна в общем зале и чистила копьё, хотя на нём не было ни капли крови. Корд сидел у очага и смотрел на огонь. Рун, непривычно тихий, сидел на скамье и вертел в руках «Дробильщик». Марта, не говоря ни слова, обрабатывала небольшую царапину на бедре.

Скольд, наоборот, сиял. Его стол был завален новыми бумагами — контрактами с пленными, расчётами коэффициентов на будущие Арены, планами по расширению тотализатора. Его пальцы снова летали над пергаментом с лихорадочной быстротой.

— Аналитик! — воскликнул он, когда Арт вошёл в зал. — У меня потрясающие новости! Двадцать семь новых контрактников! Двадцать семь! И это только начало! Когда весть о том, что мы не казним, а сохраняем жизни, разнесётся по сектору, к нам потянутся все! Нейтралы, одиночки, выжившие из старых лагерей — все, кто боится умереть на Арене! Мы станем не просто сильнейшей фракцией — мы станем единственной!

— Именно, — ответил Арт и подошёл к центральному экрану. — Но сначала нужно закрепить успех.

Он активировал карту сектора и начал обновлять данные. Территория Форпоста, и без того огромная, увеличилась ещё на несколько квадратов. Аванпост, где произошла зачистка, был отмечен синим. Красная точка мятежа исчезла.

— Завтра мы начнём строительство, — продолжил Арт. — Не стен — системы. Я уже разработал план.

Он вывел на экран несколько схем — организационных, не тактических.

— Первое: Канцелярия Прогнозов. Скольд, ты возглавишь её. Это будет официальная структура, ответственная за сбор и анализ информации, за тотализатор, за распределение ресурсов. Мы больше не подпольная банда. Мы — администрация. Второе: Медицинский корпус. Айла, ты возглавишь его. Твоя задача — не только лечить раненых, но и следить за санитарным состоянием сектора, контролировать изъятие навыков, обучать новых медиков. Третье: Разведывательный корпус. Шен, он твой. Твоя задача — расширить сеть информаторов, следить за всем, что происходит в секторе и за его пределами. Четвёртое: Военный корпус. Корд, ты

главнокомандующий. Рун, Марта, Эли — вы офицеры. Ваша задача — тренировать новых бойцов, поддерживать порядок и подавлять любые бунты.

— А ты? — спросила Эли, и её голос прозвучал ровно, без эмоций. — Ты будешь… кем?

— Я буду Архитектором, — ответил Арт. — Координатором. Тем, кто видит всю картину и направляет её. Я не буду вмешиваться в повседневное управление — для этого у меня есть вы. Но я буду принимать ключевые решения. Определять стратегию. Оценивать угрозы.

— Ты будешь диктатором, — произнёс Корд, и это был не вопрос.

— Да, — согласился Арт. — Но диктатором эффективным. Тирания неэффективна, потому что она создаёт врагов. Диктатура, основанная на контроле ресурсов и информации, — другое дело. Люди будут подчиняться мне не из страха смерти, а потому что это выгодно. Потому что альтернатива — хаос или гибель. Я не отнимаю у них выбор. Я просто делаю правильный выбор очевидным.

— А если кто-то всё равно выберет неправильно? — спросила Марта.

— Тогда мы его утилизируем, — просто ответил Арт. — Без колебаний. Без пощады. Без публичных казней. Просто методично, эффективно, как мы делали сегодня. Никакого героизма. Никакого мученичества. Только ликвидация угрозы.

В зале снова повисла тишина. Но теперь она была другой — почти торжественной. Все понимали, что происходит нечто большее, чем просто подавление очередного бунта. Они закладывали фундамент нового мира. И этот мир будет держаться на железной руке Архитектора.

Когда собрание закончилось, Айла подошла к Арту. Она была бледна — бледнее обычного, — и в её глазах читалась глубокая, бесконечная усталость.

— Ты создаёшь империю, — тихо произнесла она. — Империю на костях.

— Я создаю систему, которая выживет, — ответил он. — Не только сейчас. В будущем. Когда карантин закончится, и сектор снова откроется, мы должны быть готовы. Не как кучка выживших, которая прячется в руинах, а как организованная сила с чёткими законами и ресурсами.

— Это не ответ на мой вопрос, — сказала Айла и взяла его за руку. — Ты создаёшь империю на костях. И я — часть этой империи. Я помогала тебе убивать, манипулировать, захватывать. Я стала такой же, как ты. И теперь я не знаю, гордиться мне этим или ужасаться.

— Может быть, и то и другое, — ответил Арт и сжал её руку в ответ. — Мы не можем изменить то, что сделали. Но мы можем создать что-то новое на руинах старого. Что-то, что просуществует дольше, чем мы сами. Что-то, что даст смысл всем нашим жертвам.

Айла долго молчала, глядя на их сплетённые руки. Затем она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— И что это будет? Что мы создаём?

— Порядок, — ответил Арт. — Не справедливость. Не свободу. Порядок. Единственное, что может удержать этот мир от падения в хаос. И если для этого мне придётся стать тираном, которого будут ненавидеть, — я стану им. Потому что лучше быть тираном в стабильном мире, чем героем в мёртвом.

Айла слабо улыбнулась — той самой редкой, почти незаметной улыбкой, которую он видел всего несколько раз.

— Ты всегда находишь способ оправдать даже самые ужасные вещи, — сказала она. — Это твой дар. Или твоё проклятие.

— Это мой навык, — поправил он. — Только и всего.

Они стояли так ещё несколько минут — в тишине, под завывание ветра за окнами таверны. Затем Айла отпустила его руку и направилась к лестнице в лазарет.

— Я пойду проверю Ларса, — сказала она, не оборачиваясь. — Ему нужен уход. Это единственное, что напоминает мне: я ещё врач. А не просто… инструмент.

Она исчезла в темноте лестницы. Арт остался один в общем зале. Он подошёл к окну и посмотрел на серое небо над Пустошами. Где-то там, на горизонте, пульсировала алым точка — остаточная энергия коллапса Арены. Вечное напоминание о его величайшей победе и его величайшем преступлении.

Завтра начнётся новый день. Завтра Канцелярия Прогнозов начнёт свою работу. Завтра новые контрактники выйдут в шахты отрабатывать свои долги. Завтра новый порядок станет ещё на шаг реальнее.

А пока он стоял в темноте и смотрел на выжженное поле, которое простиралось за стенами Форпоста. Поле, которое он сам создал.

Империя на костях. Айла была права. Но империи всегда строятся на костях. Вопрос только в том, будут ли эти кости фундаментом или могилой.

Он активировал интерфейс и внёс в свой «Список» последнюю запись перед сном:

«Новый порядок. Статус: внедрён. Первый бунт подавлен. Система изъятия навыков протестирована на Торвальде и его группе. Результаты: эффективность высокая. Потери среди лоялистов: ноль. Количество новых контрактников: двадцать семь.

Айла назвала это империей на костях. Возможно, она права. Но империи строятся на костях — это исторический факт. И единственный способ оправдать существование этой империи — сделать её достаточно прочной, чтобы пережить и кости, и тех, кто их складывал.

Я Архитектор. Я создаю порядок из хаоса. И я не остановлюсь, пока этот порядок не станет необратимым».

Он закрыл «Список», отключил интерфейс и направился в лазарет. Там, на своей лежанке, его ждала Айла. Она не спала — сидела, скрестив ноги, и смотрела на «Сердце Змея», пульсирующее в своём контейнере.

— Ты идёшь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да, — ответил он.

Они легли рядом, как делали уже много раз — плечом к плечу, рука в руке. И прежде чем сон забрал их обоих, Арт успел подумать о том, что завтра будет новый день. И он должен быть готов. Не к битве — к строительству. Не к разрушению — к созиданию. Пусть даже на костях. Пусть даже ценой своей человечности.

Потому что это был его выбор. И он его сделал.

Конец Главы 1. Новый порядок.

Глава 2. Канцелярия Прогнозов

Часть 1. Архитектура власти

Серый рассвет тридцать шестого дня в Разрушенном Форпосте начался не с привычного воя падальщиков и не с тягостной тишины, которая воцарилась после зачистки «Костоломов», а с нового звука — мерного, ритмичного скрипа перьев о бумагу. Этот звук, ещё несколько недель назад показавшийся бы Арту чужеродным в мире, где всё решалось сталью и заклинаниями, теперь стал символом новой эры. Эры, в которой побеждали не мечом, а информацией.

Арт стоял в центре общего зала таверны, который за последние сутки преобразился до неузнаваемости. Тяжёлые дубовые столы, ещё вчера служившие для починки оружия и раскладки тактических карт, теперь были завалены кипами пергамента, глиняными табличками и примитивными счётными устройствами, которые Торв смастерил из костяных пластин и алхимических кристаллов. Вдоль стен, там, где раньше висели голографические карты боевых действий, теперь тянулись стеллажи — грубо сколоченные, но вместительные, — на которых уже начинали формироваться ряды папок. Каждая папка — дело на игрока. Каждое дело — учётная запись, история, ресурс.

Скольд, ещё вчера бывший просто букмекером, а теперь

назначенный Главой Канцелярии Прогнозов, метался между столами с той лихорадочной энергией, которая всегда выдавала в нём крайнюю степень возбуждения. Его новая роба из тёмно-синей ткани, сшитая специально по этому случаю, была уже испачкана чернилами, а пальцы, порхавшие над бумагами, дрожали от переизбытка кофеина и адреналина. Он набирал персонал из числа выживших — тех, кто до Пантеона был писарем, счетоводом или просто умел читать и писать. Сегодня этих людей называли «клерками», и они, ещё вчера дрожавшие от страха перед монстрами, теперь дрожали перед суровым взглядом своего нового начальника.

— Аналитик! — воскликнул Скольд, заметив Арта, и его голос, обычно нервный и срывающийся, сейчас звучал почти торжественно. — Первый операционный день Канцелярии объявляю открытым! У нас уже семнадцать клерков, три писаря и один картограф! Мы начали перепись населения и инвентаризацию складов! Это… это грандиозно!

Арт медленно прошёл через зал, разглядывая новую бюрократическую машину, которую он сам и породил. Клерки, многие из которых были новичками, принятыми в Форпост после разгрома нейтральных лагерей, поднимали головы, провожая его взглядами. В этих взглядах читалось не восхищение — страх. Страх перед человеком, который в одиночку уничтожил Топ-3, подавил бунт «Истинных» за

один день и превратил их бывшего лидера, Торвальда, в пустую оболочку. Архитектор. Это имя произносили шёпотом, как название стихийного бедствия.

— Грандиозно, но недостаточно, — ответил Арт, останавливаясь у центрального стола. Он активировал голограмму, и перед ним развернулась не тактическая карта, а сложная организационная схема — детище его бессонных ночей. — Мы создаём не просто учётную контору, Скольд. Мы создаём нервную систему нового государства. Каждый игрок в секторе должен быть учтён. Каждая единица ресурсов — посчитана. Каждое событие — предсказано и оценено.

Он увеличил один из сегментов схемы — «Тотализатор 2.0».

— Ставки на бои были примитивным инструментом. Они зависели от случайностей и эмоций толпы. Мы переходим на новую модель. Отныне Канцелярия будет принимать прогнозы на всё: на результаты Арены, да, но также на урожайность в восстановленных шахтах, на вероятность прорыва монстров в определённом квадрате, на эффективность тренировок новобранцев. Мы превратим неопределённость в товар. Игроки будут покупать не надежду на чудо, а рассчитанный риск. Это создаст стабильный рынок.

Скольд, жадно внимавший каждому слову, начал быстро записывать. Его глаза горели тем самым огнём, который появлялся у него перед большими аферами, но теперь этот огонь был холоднее, расчётливее.

— А самый главный прогноз, — продолжил Арт, понизив голос, — будет касаться их самих. Мы создадим реестр благонадёжности. Каждый игрок получит свой рейтинг — не боевой, а социальный. Его лояльность, полезность, потенциал. Те, чей рейтинг высок, получат доступ к ресурсам, контрактам, защите. Те, чей рейтинг низок… что ж, они сами сделают свой выбор.

Он не закончил фразу, но Скольд понял. Без слов. Эта система была гораздо тоньше и страшнее, чем простая угроза уничтожения. Она не убивала врагов — она делала их невидимыми, лишала их будущего, превращала в изгоев в мире, где выживание зависело от принадлежности к системе.

— Это… это не просто Канцелярия, — прошептал Скольд, и его голос дрогнул. — Это… аппарат контроля.

— Именно, — подтвердил Арт. — Аппарат, который будет работать даже без моего участия. Я создаю не культ личности, Скольд. Я создаю бюрократию. А бюрократия, в отличие от героя, бессмертна.

Корд, стоявший у двери и молча наблюдавший за происходящим, хмыкнул. Он всё ещё опирался на свой топор — оружие, которое казалось анахронизмом в этом новом мире бумаг и реестров.

— Значит, мы больше не воины? — спросил он, и в его голосе звучала не враждебность, а скорее усталая ирония. — Мы стали писарями?

— Военный корпус никто не отменял, — ответил Арт, не оборачиваясь. — Твоя задача, Корд, — следить, чтобы вся эта бюрократия не была сметена первой же угрозой. Но наша главная битва сейчас — не с монстрами и не с внешними врагами. Она с хаосом. С энтропией, которая разъедает любое общество, оставшееся без правил. Мы наведём порядок. Не мечом, так пером.

Он повернулся к собравшимся клеркам, которые замерли, прислушиваясь к разговору. Его голос, усиленный «Детерминированным анализом», разнёсся по залу:

— С этого дня вы — не просто выжившие. Вы — служащие Канцелярии Прогнозов. Ваша работа не видна, как взмах меча, но она важнее. Каждая запись, которую вы делаете, каждый подсчёт, который вы ведёте, — это кирпичик в

фундаменте нового мира. Мира, где выживание зависит не от грубой силы, а от порядка. И те, кто этот порядок нарушит, будут иметь дело не со мной, а с вами. С вашими отчётами. С вашими реестрами. С вашей неумолимой бухгалтерией.

Клерки переглянулись. На их лицах читалась смесь гордости и ужаса. Им только что дали власть — власть писаря, который может уничтожить человека одним росчерком пера, внеся его в список неблагонадёжных. И эта власть была гораздо тоньше и страшнее власти воина.

Когда импровизированное собрание закончилось, и клерки вернулись к своей работе, Корд подошёл к Арту.

— Ты делаешь из них доносчиков, — тихо произнёс он. — Они будут следить друг за другом из страха попасть в твой чёртов список.

— Они будут следить друг за другом из чувства гражданского долга, — поправил Арт. — Разница в формулировке. Результат тот же — стабильность. Ты же не думал, что мы построим новый мир, оставаясь рыцарями без страха и упрёка? Для нового мира нужны новые люди. И я создаю их. Прямо сейчас.

Корд долго молчал, глядя в холодные, ничего не выражающие глаза Архитектора. Затем он медленно кивнул, словно принимая неизбежное.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал он и вышел из зала, оставив Арта одного в окружении его новой бюрократической машины.

Часть 2. Двойное бремя Айлы

Пока в общем зале кипела работа по созданию Канцелярии, в лазарете царила иная атмосфера. Здесь не было суеты клерков и скрипа перьев — только тихое гудение алхимического оборудования, мерное дыхание спящего Ларса и методичный звон инструментов, которые перебирала Айла.

Она сидела за своим рабочим столом, но сегодня её руки двигались не с той уверенной точностью, к которой она привыкла за годы практики. Она нервничала. Арт сообщил ей о новых назначениях ещё вчера вечером, и с тех пор она не могла уснуть. Глава Медицинского корпуса. Глава Разведывательного корпуса. Две должности, которые делали её вторым по влиянию человеком в секторе после самого Архитектора. Две должности, которые ломали всё, во что она когда-то верила.

— Ты делаешь меня своей тенью, Арт, — произнесла она в пустоту, повторяя слова, сказанные ему вчера. — Официально.

«Сердце Змея» в своём контейнере пульсировало медленным, ритмичным зеленоватым светом, словно вторя её мыслям. Ларс, как всегда, спал на своём топчане у дальней сте-

ны. Его дыхание было ровным, лицо — спокойным. Он был единственным пациентом, который не требовал от неё ничего, кроме ухода. И она цеплялась за этот уход как за последнюю ниточку, связывающую её с той Айлой, которая когда-то давала клятву спасать жизни.

Дверь открылась. Вошёл Арт. Он был в своей обычной серой робе, но что-то в его осанке изменилось. Он больше не был просто аналитиком, стратегом, выжившим. Он был правителем. И это чувствовалось в каждом его движении.

— Ты готова? — спросил он, опускаясь на свой привычный табурет у стены.

— Нет, — честно ответила Айла и впервые за долгое время посмотрела ему прямо в глаза. — Я не готова к тому, что ты от меня требуешь. Я — врач. Я давала клятву. А ты хочешь, чтобы я возглавила конвейер по утилизации людей. И одновременно — чтобы я анализировала разведданные и вычисляла тех, кого ты потом… утилизируешь. Это не медицина, Арт. Это… я даже не знаю, как это назвать.

— Это эволюция, — спокойно ответил Арт. — Твой навык «Полевой хирург» позволяет тебе видеть организм как систему. Ты находишь слабые места, патологии, угрозы. В теле человека. Я предлагаю тебе делать то же самое с телом об-

щества. Ты будешь находить угрозы, патологии, слабые места — и мы будем их устранять. Хирургия остаётся хирургией. Меняется только пациент.

Айла горько усмехнулась.

— Ты всегда находишь способ повернуть любую мерзость так, чтобы она звучала логично. Это твой самый страшный навык. Не «Детерминированный анализ», не «Редактор коэффициентов». А способность превращать зло в необходимость.

— Это не зло, — возразил Арт, и его голос прозвучал холодно, почти механически. — Это эффективность. Мы живём в мире, где доброта без силы — это самоубийство. Где милосердие без контроля — это приглашение к бунту. Я не прошу тебя перестать быть врачом. Я прошу тебя стать врачом для всего сектора. Ты будешь лечить не отдельных людей — ты будешь лечить общество. Ампутировать поражённые конечности, чтобы спасти тело. Это та же клятва, Айла. Просто в другом масштабе.

Она долго молчала, переваривая его слова. В глубине души она понимала, что он, как всегда, прав. С чудовищной, неумолимой, математической правотой. Но от этого понимания было не легче.

— Хорошо, — произнесла она наконец, и её голос прозвучал глухо, почти безжизненно. — Я сделаю это. Но у меня есть условия.

— Какие?

— Первое: я лично разрабатываю протокол изъятия навыков. Никто, кроме меня, не будет его утверждать. Если уж мы делаем эту мерзость, пусть она будет сделана максимально… гуманно. Насколько это слово вообще здесь применимо.

— Принято.

— Второе: я оставляю за собой право лечить любого, кто в этом нуждается. Неважно, контрактник он, гражданин или даже враг. Моя клятва не позволяет мне отказывать в помощи. Я не буду спрашивать у тебя разрешения на каждый случай. Я просто буду делать свою работу.

Арт на мгновение задумался. Это могло создать проблемы: враг, которого Айла вылечит, снова станет угрозой. Но он знал, что если он откажет ей в этом, он потеряет её. Не как союзника — как человека, который был его якорем.

— Принято, — повторил он.

— И третье… — Айла запнулась. — Третье: ты не будешь трогать Ларса. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Он не станет разменной монетой в твоих политических играх. Он не попадёт в твой реестр благонадёжности. Он останется просто моим пациентом. Моим. Ты понял?

Арт посмотрел на спящего мальчика, чьё дыхание было таким же ровным и спокойным, как всегда. Он знал, что Ларс, скорее всего, никогда не проснётся. Что ресурсы, которые Айла тратила на него, были, с точки зрения холодного расчёта, потрачены впустую. Но он также знал, что Ларс был для Айлы тем же, чем она сама была для него, — якорем. Напоминанием о человечности. О том, ради чего всё это затевалось.

— Обещаю, — сказал он. — Ларс неприкосновенен.

Айла кивнула и выпрямилась. Её лицо, только что выражавшее глубокую, почти невыносимую усталость, стало собранным и сосредоточенным. Она вошла в режим полевого хирурга — тот самый, который позволял ей оперировать под огнём и принимать решения, от которых зависели жизни.

— Тогда начнём, — сказала она. — Что у нас с разведкой?

Часть 3. Вскрытие разведданных

Арт активировал голограмму, и над столом развернулась карта сектора — та самая, которую он обновлял каждые несколько дней. Но теперь на ней были не только красные точки врагов (их не осталось) и синие зоны контроля Форпоста (они покрывали почти всю карту), но и новые символы — жёлтые маркеры с вопросительными знаками. Потенциальные очаги нестабильности.

— Шен и его люди собрали данные по всему сектору, — начал Арт. — Настроения среди гражданских, контрактников, нейтралов. Слухи, которые циркулируют. Разговоры в тавернах, которые ещё функционируют. Мы перехватили несколько зашифрованных сообщений — остатки старых каналов, которые использовали «Связные». Ничего конкретного, но… — он увеличил один из жёлтых маркеров, — есть закономерности.

— Какие? — спросила Айла, и её глаза, только что полные сомнений, загорелись холодным, аналитическим огнём. Она уже начала работу. Её разум, привыкший находить патологии в организме, теперь искал их в обществе.

— После подавления бунта «Истинных» открытое недо-

вольство исчезло. Но оно не исчезло совсем — оно ушло в подполье. Люди боятся говорить вслух, но продолжают перешёптываться. Мои клерки, — он кивнул в сторону общего зала, — уже начали собирать информацию от новоприбывших. Контрактники, которых мы взяли в плен на аванпосте, рассказывают, что перед бунтом Торвальд получал какие-то сообщения извне. Он говорил о «старшей крови», которая «восстановит истинный порядок». Мы не смогли перехватить эти сообщения, но сам факт…

— Сам факт означает, что у Торвальда был информатор, — закончила Айла, и её голос стал жёстче. — Кто-то, кто снабжал его сведениями о наших действиях. Кто-то, кто знал о новом порядке ещё до того, как ты объявил о нём публично. Этот кто-то всё ещё здесь. Возможно, среди наших.

— Именно, — подтвердил Арт. — Я просчитал вероятность. Восемьдесят три процента, что в Форпосте или среди контрактников есть как минимум один человек, который работает на внешнюю фракцию. Семьдесят четыре процента, что этот человек был связан с Торвальдом. И шестьдесят один процент, что он всё ещё активен и передаёт информацию кому-то за пределами сектора.

Айла задумалась, разглядывая карту. Её пальцы, привыкшие держать скальпель, барабанили по столу.

— Ты хочешь, чтобы я нашла его, — произнесла она, и это был не вопрос.

— Да. Твой медицинский доступ даёт тебе уникальную возможность. Ты видела истории болезней, знаешь слабости, можешь сопоставить физические данные с поведенческими паттернами. Плюс я передаю тебе все разведданные. Шен будет снабжать тебя полевой информацией, а ты будешь её анализировать. Находить связи. Несоответствия. Скрытые мотивы.

— Ты хочешь, чтобы я стала следователем, — горько усмехнулась Айла. — Хирург, администратор, разведчик, а теперь ещё и инквизитор. Список моих должностей растёт. Когда я получу отпуск?

— Когда сектор будет полностью стабилен, — без тени иронии ответил Арт. — Когда мы найдём всех кротов и устраним все угрозы. Тогда, возможно, у тебя будет время на отдых. Но не раньше.

Айла покачала головой и снова уставилась на карту. Её разум уже работал, просчитывая варианты, сопоставляя факты, выискивая закономерности. Это было то же самое, что она делала с человеческим телом, — находила скрытые пато-

логии, которые грозили разрушить организм. Только теперь организмом был целый сектор.

— Дай мне все медицинские карты на тех, кто был взят в плен на аванпосте, — сказала она наконец. — И на всех контрактников, которые присоединились к нам в последние две недели. Я хочу видеть их историю: травмы, болезни, психологические профили. И данные от Шена — все перехваченные сообщения, все наблюдения, все слухи. Я найду твоего крота, Арт. Если он существует.

— Он существует, — уверенно сказал Арт. — И когда ты найдёшь его, мы сделаем то, что должны.

— Утилизируем, — холодно произнесла Айла, и это слово, которое ещё вчера вызывало у неё отвращение, теперь прозвучало почти буднично. Она сама заметила это — и на мгновение её лицо исказила гримаса боли. Но она быстро взяла себя в руки.

— Да, — подтвердил Арт. — Публично. Чтобы все видели, что бывает с теми, кто нарушает новый порядок.

Часть 4. Конвейер утилизации

Первая «плановая» Арена по новым правилам состоялась на следующий день. Это было событие, которого ждали все — кто со страхом, кто с любопытством, кто с холодным расчётом. Арт лично управлял процессом, используя «Редактор коэффициентов» для динамического изменения ставок в реальном времени. Скольд, сияющий от возбуждения, принимал прогнозы от десятков игроков, которые, несмотря на страх, не могли устоять перед азартом.

Кандидатов было трое, как и всегда. Но теперь они были не врагами, которых ненавидела толпа, и не героями, которым поклонялись. Они были просто людьми, чей социальный рейтинг, рассчитанный новой Канцелярией, оказался ниже допустимого порога. Один из них — бывший мародёр, который продолжал грабить караваны даже после введения нового порядка. Второй — контрактник, уличенный в саботаже. Третий — нейтрал, который отказался подписывать контракт с Форпостом и публично критиковал Архитектора.

Айла наблюдала за Ареной не с балкона, а из лазарета. Она не хотела видеть этого зрелища. Но она знала, что ей придётся участвовать в его финале.

Бой был коротким и жестоким. Победитель — молодой боец из Военного корпуса, который вызвался добровольцем, чтобы повысить свой рейтинг, — одержал победу без особого труда. Двое проигравших, израненные и деморализованные, лежали на песке Арены. Раньше их бы добили. Теперь — нет.

Арт вышел в прямой эфир. Его голос, усиленный системным каналом, разнёсся по всему сектору:

— Согласно новому порядку, проигравшие не будут казнены. Вместо этого они пройдут процедуру изъятия навыков. Это не наказание — это исправление. Они останутся живы и станут полезными гражданами нашего сектора. Победитель получит часть изъятой силы. Остальное поступит в резервный фонд. Да здравствует новый порядок.

Толпа на Арене — те, кто пришёл посмотреть, — зашумела. Не возмущённо, нет. Скорее, ошеломлённо. Они не знали, как реагировать. Их учили, что Арена — это смерть. Что проигравший должен умереть, чтобы победитель мог забрать его силу. А теперь им говорили, что всё будет иначе.

Проигравших доставили в лазарет. Айла ждала их там.

Часть 5. Протокол

Это был первый раз, когда она проводила процедуру изъятия не в полевых условиях, не на враге, а на безоружном, деморализованном человеке, который лежал на её операционном столе. Её ассистенты — двое новичков, которых она лично отобрала и обучила за последние сутки, — стояли рядом, готовые подать инструменты. Всё было sterilно, организованно, профессионально. Именно это и пугало.

Первым на стол положили бывшего мародёра. Он был в сознании. Его глаза, полные ужаса, метались по комнате, цепляясь за лица, инструменты, пульсирующее «Сердце Змея». Он что-то бормотал — то ли молитвы, то ли проклятия. Айла не слушала.

Она активировала свой «Полевой хирург» и погрузилась в биометрические данные пациента. Она видела его тело как сложную систему — мышцы, кости, нервные узлы, магические каналы. И среди этих каналов она видела то, что должно было быть изъято: сгустки энергии, которые Система когда-то вложила в этого человека, превратив его из обычного смертного в игрока. Навыки. Опыт. Сила.

Протокол, который она разработала, был прост и страшен.

С помощью специального алхимического состава, созданного на основе «Осколков Пустоты» и её собственных медицинских знаний, она блокировала магические каналы один за другим. Это не причиняло физической боли — только глубокое, всепоглощающее чувство потери. Пациент на столе кричал не от боли, а от ужаса. Он чувствовал, как его сила уходит. Как он перестаёт быть собой.

Айла работала быстро и точно. Её руки не дрожали. Её лицо было бесстрастным. Идеальный хирург. Идеальный инструмент. Через десять минут всё было кончено. Пациент — теперь уже просто человек, с базовыми характеристиками, без каких-либо боевых навыков, — лежал на столе и тихо плакал. Он был жив. Он был здоров. Он был пуст.

— Готово, — произнесла Айла, и её голос прозвучал холодно, почти механически. — Заполните протокол. Переведите его в палату для восстановления. Следующий.

Ассистенты, стараясь не встречаться с ней взглядом, выполнили приказ. Им было страшно. Не пациента — её. Женщины, которая только что с хирургической точностью вырезала душу из человека и при этом не проронила ни слезинки.

Когда второй пациент — бывший контрактник-саботажник — был обработан, и его унесли, в лазарет вошёл Арт.

Он не был на Арене — он наблюдал за процедурой через камеры. Он подошёл к Айле, которая стояла у стола, методично протирая инструменты. Её руки, только что проводившие бескровную казнь, двигались спокойно и уверенно.

— Ты справилась, — сказал он.

— Да, — ответила она, не оборачиваясь. — Справилась. Я превратила двоих людей в оболочки. Они живы, здоровы и совершенно бесполезны для любого дела, кроме самой примитивной работы. Их боевой потенциал — ноль. Их социальный рейтинг, надо полагать, теперь равен нулю. Ты доволен?

— Я доволен эффективностью процедуры, — ответил Арт, и это было правдой. Его «Анестезия» позволяла ему смотреть на эти вещи без эмоций. — Твой протокол работает безупречно. Мы можем масштабировать его. Сделать стандартной процедурой.

Айла наконец повернулась к нему. Её глаза, обычно холодные и отстранённые, сейчас горели каким-то странным, почти лихорадочным огнём.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо спросила она. — Самое страшное не то, что я это сделала. А то, что я готова

сделать это снова. Я смотрю на этих людей — на мародёра, на саботажника, — и не чувствую ничего. Они были угрозой. Они стали ресурсом. Просто уравнение. Как ты и говорил.

— Это и есть уравнение, — подтвердил Арт. — И ты его решила.

Айла покачала головой, но не стала спорить. Она знала, что он прав. С чудовищной, неумолимой, математической правотой. И от этого знания было не легче.

Часть 6. Тень знает всё

Прошло ещё два дня. Канцелярия Прогнозов набирала обороты. Реестры пополнялись, ставки принимались, социальные рейтинги рассчитывались. Жизнь в Форпосте налаживалась, и те, кто ещё недавно дрожал от страха перед новым порядком, начали привыкать к нему. Он был жесток, но предсказуем. Он был холоден, но справедлив — в том извращённом смысле, который вкладывал в это слово Архитектор.

Айла почти не спала. Днём она управляла Медкорпусом и проводила процедуры изъятия, которые становились всё более рутинными. Ночью она сидела в своём кабинете, заваленном медицинскими картами и донесениями Шена, и искала. Искала того самого крота, который, как просчитал Арт, всё ещё прятался среди них.

Она работала с той же методичностью, с какой оперировала. Она сопоставляла физические данные — старые травмы, хронические заболевания, следы от специфических заклинаний — с поведенческими паттернами, которые фиксировали разведчики. Она искала несоответствия. Игрок, который, судя по истории болезни, должен был страдать от боли в левом колене, но на тренировках не хромал. Контрактник, чей психологический профиль указывал на склонность

к подчинению, но в разговорах с другими пленными проявлял несвойственную ему дерзость. Женщина-повар, которая по вечерам исчезала на несколько часов, и никто не знал, где она.

И на третью ночь она нашла.

Это был один из клерков, которых Скольд нанял в Канцелярию. Молодой парень по имени Рик, двадцать седьмой уровень, присоединился к Форпосту за неделю до подавления бунта. Его история болезни, которую Айла сама составляла, когда он проходил медосмотр, указывала на старый перелом правой ключицы, полученный ещё до Пантеона. Перелом сросся неправильно, что должно было вызывать дискомфорт при длительной работе за столом. Однако клерк Рик работал по двенадцать часов в сутки и никогда не жаловался на боль. Он вообще ни на что не жаловался. Он был идеальным работником — тихим, исполнительным, незаметным. Слишком идеальным.

Айла сопоставила его данные с перехваченными сообщениями, которые Шен предоставил ей. Одно из сообщений, отправленное за день до бунта, было зашифровано старым кодом «Связных». Арт не смог его расшифровать — слишком много данных было повреждено. Но Айла, изучив медицинские записи Рика, обратила внимание на одну деталь: у

него была редкая аллергия на пыльцу костяного папоротника, который рос только в восточных Пустошах. И в перехваченном сообщении, среди обрывков фраз, упоминался «папоротник» — как кодовое слово, означающее подтверждение.

Этого было достаточно.

— Он здесь, — сказала она Арту на следующее утро, положив перед ним папку с делом Рика. — Клерк в твоей Канцелярии. Работает на внешнюю фракцию. Вероятно, на остатки «Связных», которые ушли в глубокое подполье. Это он передавал информацию Торвальду. И он всё ещё активен.

Арт просмотрел папку. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнул холодный, расчётливый огонь.

— Доказательства косвенные, — заметил он.

— Аллергия на папоротник, — ответила Айла. — Упоминание папоротника в зашифрованном сообщении. Это не доказательство для суда, но ты не суд, Арт. Ты — Архитектор. Тебе достаточно подозрения.

Он задумался. Она была права. В мире, который он создавал, презумпция невиновности была роскошью. Угроза

должна быть устранена до того, как она реализуется. Иначе было нельзя.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Мы возьмём его сегодня. Тихо. Без лишнего шума. Пусть Корд и Рун займутся этим.

— Нет, — резко сказала Айла, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я сама. Я его вычислила — я его и возьму.

Арт посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Он знал, что она хотела доказать что-то — ему, себе, всему миру. Что она не просто инструмент в его руках, не просто исполнитель. Что она активный участник, а не пассивный свидетель.

— Как знаешь, — ответил он.

Взятие Рика прошло быстро и буднично. Айла, в сопровождении Корда и Эли, зашла в Канцелярию посреди рабочего дня. Клерки замерли, когда она направилась к столу Рика. Их глаза расширились от страха — все знали, кто она такая и что означает её визит. Рик, увидев её, побледнел. Он попытался что-то сказать, но Айла не дала ему шанса.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — произнесла она холодно. — Не усугубляй.

Она приказала Корду и Эли задержать его, и, прежде чем кто-либо из клерков успел опомниться, Рика вывели из зала. На его столе остались лежать недописанные отчёты. Через час он уже сидел в подвале, прикованный к стулу, и смотрел на Архитектора, который стоял перед ним.

Арт не стал тратить время на долгие допросы. Он просто активировал «Детерминированный анализ» и начал просчитывать вероятности. Рик пытался лгать, но каждая его ложь вызывала всплеск на голограмме, и Арт видел её. Это была не пытка — это было извлечение информации с хирургической точностью. Через двадцать минут он знал всё. Крот был не один. В секторе оставалась подпольная сеть «Связных» — около дюжины агентов, которые собирали информацию и передавали её за пределы сектора, используя скрытые магические каналы. Они планировали новый бунт, более масштабный, чем мятеж Торвальда. И они ждали. Ждали, когда карантин будет снят, и в сектор войдут силы «Стального Легиона», которым они продавали информацию.

— Ты всё рассказал, — произнёс Арт, отключая интерфейс. — Молодец. Это сохранит тебе жизнь.

Рик, дрожащий и бледный, поднял голову. В его глазах мелькнула надежда.

— Я… я могу уйти? — прошептал он.

— Нет, — ответил Арт и кивнул Айле. — Ты останешься. Но жить будешь. Просто перестанешь быть тем, кем был.

Процедура, которую Айла провела над Риком, была самой быстрой за всё время. Ей не нужно было изымать девяносто процентов навыков по стандартному протоколу. Она изъяла всё. Под корень. Когда она закончила, Рик уже не был игроком, не был шпионом, не был угрозой. Он был просто телом, которое дышало, смотрело в потолок и не могло вспомнить собственное имя. Ноль. Абсолютный ноль. Живой пример того, что бывает с теми, кто предаёт Архитектора.

Айла вышла из подвала и остановилась в коридоре, прислонившись к стене. Её руки дрожали. Не от страха — от перенапряжения. От осознания того, что она только что сделала. Она превратила человека в овощ. Не убила — лишила всего, что делало его личностью. И она сделала это сознательно, методично, профессионально.

— Ты в порядке? — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Арт стоял в нескольких шагах от неё. Его лицо было спокойным, но в глазах читалось что-то, что она не могла расшифровать. Может быть, беспокойство. Может быть, просто анализ.

— Нет, — честно ответила она, и её голос дрогнул. — Я не в порядке. Я только что вырезала человеку душу, Арт. Я сделала это своими руками. И знаешь что? Я не чувствую вины. Я не чувствую ничего, кроме усталости. Это… это, наверное, и есть самое страшное. Не то, что мир сошёл с ума. А то, что я сошла с ума вместе с ним.

Арт подошёл ближе и взял её за руку — холодную, всё ещё дрожащую.

— Ты не сошла с ума, — тихо сказал он. — Ты адаптировалась. Как и я. Как и все мы. В этом мире, чтобы выжить и защитить тех, кто нам дорог, мы должны делать вещи, которые в старом мире сочли бы чудовищными. Но это не значит, что мы стали чудовищами. Пока мы помним, ради чего мы это делаем, мы остаёмся людьми. Повреждёнными. Израненными. Но людьми.

— А ты? — спросила Айла и посмотрела ему прямо в глаза. — Ты помнишь, ради чего ты это делаешь?

Арт на мгновение задумался. Его «Анестезия» надёжно блокировала эмоции, но не память. Он помнил всё: первую встречу с Айлой, Логово Химеры, их ночь перед Королевской Битвой. Он помнил, как она закрыла его собой от луча Бездны. Он помнил, как сидел над её неподвижным телом и чувствовал страх — настоящий, животный, всепоглощающий страх. Он помнил, как приказал реальности сохранить ей жизнь — и реальность подчинилась. Не из-за эффективности. Из-за чего-то иного.

— Да, — ответил он. — Я помню.

Айла слабо улыбнулась — той самой редкой, почти незаметной улыбкой.

— Тогда, может быть, у нас ещё есть шанс, — сказала она. — Не на искупление. На что-то другое. На… продолжение.

Они стояли так ещё несколько минут — в тишине, под мерное гудение алхимического оборудования, доносящееся из лазарета. Где-то наверху, в Канцелярии, клерки продолжали свою работу, напуганные и притихшие после ареста Рика. Где-то в подвале лежал бывший шпион, превращённый в пустую оболочку. Где-то на горизонте формировались новые угрозы — сеть «Связных», которую нужно было выкорчевать; «Стальной Легион», который ждал снятия каранти-

на; Система, которая наблюдала.

Но сейчас, в этом коридоре, были только они двое. И этого было достаточно.

Эпилог главы

Ночь опустилась на Форпост. Арт сидел в своём кабинете, просматривая отчёты. Канцелярия Прогнозов работала бесперебойно. Социальные рейтинги были обновлены. Агенты сети «Связных», вычисленные на основе показаний Рика, были помечены для зачистки. Медкорпус под руководством Айлы обрабатывал новых пациентов — тех, кто проиграл на Арене, и тех, кто пострадал в шахтах.

Скольд, забежавший с вечерним докладом, сиял.

— Аналитик, тотализатор оживает! — воскликнул он. — Мы приняли ставок на сумму в полторы тысячи Очков Влияния только за сегодня! Это вдвое больше, чем вчера! А прогнозы на урожайность!.. — он захлебнулся от восторга. — Это что-то невероятное! Мы продаём уверенность в завтрашнем дне! И люди покупают её! Они хотят быть частью системы! Они хотят знать, что их будущее предсказуемо!

— Именно, — ответил Арт, не отрываясь от бумаг. — Предсказуемость — это новая валюта. В мире, где всё рушится, возможность знать, что будет завтра, стоит дороже золота. Продолжай работу.

Когда Скольд ушёл, Арт откинулся на спинку стула и посмотрел на перстень Гаррона, который всё ещё лежал на столе. Окровавленный символ его первой большой победы над непокорными. Теперь к нему добавились новые трофеи — папка с делом Рика, протокол изъятия, утверждённый Айлой, списки граждан с их социальными рейтингами.

Он строил машину. Машину, которая перемалывала людей, превращая их в ресурсы, в цифры, в функции. Но эта машина работала. Она приносила порядок. И в этом порядке, возможно, был единственный шанс на выживание.

Он открыл свой «Список» и сделал запись:

«Канцелярия Прогнозов функционирует. Сеть «Связных» вскрыта. Крот ликвидирован. Протокол изъятия навыков оптимизирован. Айла справляется, но цена для неё высока. Она становится всё более похожей на меня — холодной, расчётливой, эффективной. Я не знаю, хорошо это или плохо. Но я знаю, что это необходимо.

Мы создали машину. Теперь мы должны убедиться, что она не сломает нас самих».

Он закрыл «Список», отключил интерфейс и направился в лазарет. Там, на своей лежанке, его ждала Айла. Она не

спала — смотрела в потолок.

— Ты идёшь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да, — ответил он.

Они легли рядом, плечом к плечу. Её рука нашла его ладонь и сжала. И в этой тишине, под мерное дыхание спящего Ларса, они оба пытались вспомнить, каково это — быть просто людьми, а не функциями в огромной, бездушной машине.

Завтра будет новый день. Завтра они продолжат строить свой порядок. Но сейчас, в этой темноте, они были просто мужчиной и женщиной, которые держались друг за друга в мире, где всё остальное давно потеряло смысл.

Конец Главы 2. Канцелярия Прогнозов.

Глава 3: [Анализ слабости] — Уровень 10 (Макс.)

Часть 1: Анатомия Абсолюта

Сон, в который провалился Арт, был не похож на обычное забытье. Это было падение — стремительное, невесомое, сквозь слои реальности, которые он сам же и искорёжил своими манипуляциями. Он не видел сновидений в привычном смысле — его разум, перегруженный неделями непрерывного анализа, отключил визуальный ряд, оставив только чистое, абстрактное восприятие.

Перед его внутренним взором разворачивалась паутина. Бесконечная, пульсирующая тусклым светом сеть, сотканная из триллионов нитей. Каждая нить была причиной или следствием. Каждый узел — событием. Смерть «Костоломов» в одной части паутины вызывала вибрацию, которая гасила красную точку бунта в другой. Реформа Арены порождала тысячи новых, тонких, ещё не окрепших нитей, которые змеились в будущее, создавая новые узлы — контракты, надежды, страхи.

Он видел, как его собственные решения, словно гигантские пауки, сидели в центре этой сети и дёргали за нити, заставляя всю конструкцию вибрировать в заданном ритме. Это было видение Архитектора, доведённое до абсолюта. Не просто взгляд на карту, а погружение в саму кровеносную

систему сотворённого им порядка.

А затем паутина начала меняться. Нити, которые раньше были просто линиями, стали приобретать свойства. Он видел не просто связь «приказ — исполнение», а уязвимость этой связи. Он видел, как нить, соединяющая его приказ с действиями Корда, имеет микроскопическую трещину — не из-за нелояльности Корда, а из-за его усталости, которая через несколько месяцев может привести к ошибке в интерпретации. Он видел, как сама концепция «Канцелярии Прогнозов», которую он считал идеальной, на самом деле пронизана слабыми местами — не в людях, а в самой логике её работы, где избыток информации рано или поздно парализует принятие решений.

Он видел уязвимости не вещей. Он видел уязвимости идей.

Интерфейс, который молчал последние несколько часов, взорвался серией беззвучных, но ослепительно ярких уведомлений. Текст пульсировал не привычным холодным белым, а цветом, который он не мог назвать — цветом, находившимся за пределами его стандартного восприятия.

«Внимание. Зафиксирована спонтанная эволюция навыка. Уровень угрозы: абсолютный».

«Навык [Анализ слабости] достиг максимального уровня. Уровень 10 (Макс.). Синхронизация с базовыми протоколами Системы завершена».

«Открыт финальный уровень доступа: „Видение Системных Уязвимостей“. Пользователь получает способность воспринимать, анализировать и взаимодействовать с фундаментальными слабостями в структуре причинно-следственных связей, концептуальных моделях и локальной ткани реальности».

«Текущий статус пользователя „Арт“ пересматривается…»

Арт проснулся мгновенно, без переходного состояния между сном и бодрствованием. Он резко сел на своей жёсткой лежанке из шкур падальщика, и его тело, которое после прокачки до семьдесят восьмого уровня должно было чувствовать себя неуязвимым, сейчас вибрировало от напряжения, как перетянутая струна. В лазарете было темно, только «Сердце Змея» в своём контейнере пульсировало медленным, ритмичным зеленоватым светом, отбрасывая на стены дрожащие тени. Ларс, как всегда, безмятежно спал на своём топчане у дальней стены.

Но Арт больше не видел просто тени. Он видел, как свет от «Сердца Змея» взаимодействует с тьмой, создавая зоны полутени, и в каждой из этих зон он видел вероятность. Вероятность того, что через три года в этом углу заведётся плесень, которая вызовет аллергию у будущего пациента. Он моргнул, тряхнул головой, но видение не исчезло — оно просто стало более управляемым.

Он поднял руку и посмотрел на неё. Он видел не просто свою ладонь с линиями жизни и шрамами. Он видел сложнейшую биомеханическую конструкцию, пронизанную сетью потенциальных отказов. Вот здесь, в суставе большого пальца, через двадцать один год начнёт развиваться артрит, если он будет продолжать в том же темпе работать с интерфейсом. Вот здесь, в запястье, есть микроскопическая слабость сухожилия, которая при ударе под определённым углом приведёт к перелому. Он видел свою собственную смертность, расписанную по костям и мышцам, как инженерный чертёж.

— Арт? — голос Айлы прозвучал прямо над ухом. Он не слышал, как она подошла. Она всегда двигалась тихо, но сейчас он не заметил её приближения, потому что был полностью поглощён новым восприятием. — Твои показатели… Что случилось?

Она стояла рядом с лежанкой, сжимая в руке портативный нейросканер. Её лицо, и без того бледное после нескольких бессонных ночей, сейчас было почти бескровным. Она смотрела на показатели прибора, и её глаза расширялись от ужаса.

— Твоя нейронная активность… — прошептала она. — Она превысила все мыслимые пределы. Она не просто на пике, Арт. Она вышла за пределы пика. Твой мозг работает на частотах, которые я даже не могу измерить этим сканером. Что произошло?

Арт медленно опустил руку и повернулся к ней. Он посмотрел на Айлу — и то, что он увидел, заставило его на мгновение замереть. Он всегда видел над ней её процент: 11%. Неизменный, вечный, его якорь. Но теперь он видел нечто совершенно иное. Он видел не просто цифру риска её смерти в текущей ситуации. Он видел причину этого риска. Он видел, как её навык «Полевой хирург», который она использовала для изъятия навыков у других, оставляет микроскопические повреждения в её собственных магических каналах. Каждая проведённая ею процедура «утилизации» делала её на ничтожную долю процента более уязвимой для магических атак. Это был не просто риск. Это была цена, которую она платила за то, чтобы быть его инструментом, его тенью. И он видел эту цену с ослепительной, невыносимой

ясностью.

— Мой навык, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно. — [Анализ слабости]. Он достиг максимума. Десятый уровень.

Айла замерла. Она знала, что это значит. Они обсуждали это раньше, когда его навык только начал приближаться к пику. Максимальный уровень навыка в Пантеоне был не просто усилением — это была трансформация, переход в новое качество. Для некоторых это означало получение абсолютного оружия. Для других — неуязвимость. Для Арта это означало то, чего он всегда боялся больше всего, но к чему всегда стремился: абсолютное знание.

— И что ты видишь? — тихо спросила она.

— Всё, — честно ответил он. — Я вижу… как треснет этот камень, — он кивнул на стену, — через двести лет от вибрации, вызванной осадкой фундамента. Я вижу, что у Скольда, если он продолжит работать в таком темпе, через полгода разовьётся тремор пальцев, который сделает его непригодным для работы с бумагами. Я вижу, что маршрут патруля, который Корд утвердил вчера, имеет шесть с половиной процентов вероятности пересечения с гнездом виверн, которое мы не нанесли на карту…

Он перевёл взгляд на неё, и в его глазах — тех самых, которые она видела холодными, отстранёнными, механическими — сейчас горел странный, пульсирующий свет. Свет, который не был ни человеческим, ни системным. Что-то среднее.

— Я вижу, что каждая проведённая тобой процедура изъятия делает тебя немного слабее. На доли процента. Это накапливается. Это цена, которую ты платишь за то, чтобы быть моим хирургом. Раньше я видел только твой процент — 11%. Теперь я вижу причину, по которой он однажды может измениться.

Айла медленно опустилась на табурет рядом с его лежанкой. Она не отрывала от него взгляда. Её лицо, только что выражавшее страх, стало спокойным. Тем самым спокойствием хирурга, который смотрит на сложнейшую опухоль и просчитывает план операции.

— Раньше ты видел, куда ударить, чтобы убить монстра, — произнесла она, и это был не вопрос.

— Да. Первый уровень. Я видел слабые точки.

— Потом ты начал видеть вероятности. Исходы.

— Да. Второй, третий, четвёртый уровни. Я видел будущее как набор возможных сценариев.

— Потом ты научился менять эти вероятности. «Редактор коэффициентов». Ты стал не просто наблюдателем — творцом.

— Да. Я мог изменить исход, заплатив цену.

— А теперь? — она подалась вперёд. — Что ты видишь теперь?

Арт на мгновение закрыл глаза, и мир перед его внутренним взором снова превратился в паутину. Но теперь он видел не просто нити. Он видел узлы, в которых эти нити были наиболее уязвимы. Он видел точки, где можно было приложить минимальное усилие, чтобы изменить всю структуру. Он видел, как сама ткань реальности, которую Система так тщательно сплела, имеет крошечные, почти незаметные трещины — логические ошибки, баги, парадоксы, — которые можно использовать. Не для того, чтобы сломать систему, а для того, чтобы оптимизировать её. Или поработить.

— Я вижу, где треснет сама реальность, если надавить в нужной точке, — ответил он, открывая глаза. — Я вижу уяз-

вимости не объектов. Я вижу уязвимости событий. Концепций. Законов. Я больше не аналитик, Айла. Я… не знаю, кто я теперь.

— Ты — максимум, — тихо произнесла она. — Ты достиг того, к чему стремился. Абсолютного понимания. И это самое страшное, что могло с тобой случиться.

Она встала и подошла к своему рабочему столу. Её пальцы, привыкшие держать скальпель, пробежались по инструментам, но она не взяла ни одного. Она просто стояла, опираясь на стол, и смотрела в темноту.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросила она наконец, не оборачиваясь.

— Протестировать, — ответил Арт, поднимаясь с лежанки. Его тело всё ещё вибрировало от напряжения, но сознание было острым как никогда. — Я должен понять границы. Понять, могу ли я не только видеть эти… системные уязвимости, но и взаимодействовать с ними. И главное — понять цену.

Айла повернулась к нему. В её глазах был холодный, аналитический огонь.

— Тогда я пойду с тобой. Я буду следить за твоими нейронными показателями. Если я увижу, что ты перегружаешься, я остановлю эксперимент. Без споров.

— Договорились, — ответил Арт.

Часть 2: Полигон для Бога

Они выбрали для теста не полигон и не тренировочную площадку, а обычную, ничем не примечательную комнату в подвале таверны — старый винный погреб, переоборудованный под склад. Здесь не было ничего, кроме каменных стен, покрытых плесенью, нескольких пустых бочек и треснувшей деревянной балки под потолком. Идеальное место для того, чтобы испытать новую силу, не привлекая внимания.

Айла установила портативный диагностический комплекс на одной из бочек и подключила нейросканер к виску Арта. Её лицо было сосредоточенным, профессиональным — она вошла в режим полевого хирурга.

— Ментальная энергия — девяносто восемь процентов, — доложила она. — Нейронные связи стабильны. «Анестезия» на уровне восьмидесяти пяти процентов подавления. Ты в оптимальной форме. Начинай.

Арт подошёл к центру комнаты и поднял голову, глядя на треснувшую балку под потолком. Раньше, до эволюции навыка, он увидел бы просто слабое место в конструкции — место, куда нужно ударить, чтобы обрушить потолок. Теперь он видел нечто совершенно иное.

Он видел саму идею этой балки. Видел, как она была создана — дерево, срубленное в лесу, которого больше не существовало, распиленное на доски, привезённое сюда и установленное руками давно умерших строителей. Он видел всю цепочку её существования, и в этой цепочке он видел крошечную, почти незаметную логическую ошибку. Строители сделали пропил на два миллиметра глубже, чем нужно. Это не было критично — балка всё равно выдержала бы вес потолка на протяжении столетий. Но это была слабость. Не в дереве. В истории дерева. В причинно-следственной связи, которая привела к его нынешнему состоянию.

Арт поднял руку и медленно, почти нежно, коснулся воздуха перед собой. Его пальцы не дотронулись до балки — они были в метре от неё. Но в его новом восприятии он касался не физического объекта. Он касался той самой микроскопической ошибки в причинно-следственной связи.

— Ты видишь это? — тихо спросил он Айлу. — Трещину?

— Конечно, вижу, — ответила она, глядя на балку. — Она треснула уже давно.

— Нет. Не эту трещину. Я говорю о другой. О той, которая была создана до того, как эта балка стала балкой. До то-

го, как дерево, из которого она сделана, было срублено. Это как… как ошибка в коде. Баг, который существовал всегда, но никто его не замечал.

Он закрыл глаза и полностью погрузился в своё новое восприятие. Он видел эту ошибку — крошечную, почти неразличимую, но абсолютно реальную. И он знал, что может сделать. Не сломать балку. Не разрушить её. А просто… подтвердить реальность, в которой она уже сломана. Не изменить вероятность, как он делал раньше с помощью «Редактора коэффициентов». А найти уже существующий, но не реализованный исход и сделать его реальным.

Он активировал навык.

Это было не похоже на редактирование. Когда он использовал «Редактор коэффициентов», он тратил Очки Влияния и чувствовал отдачу — как будто он толкал реальность в нужном направлении, преодолевая её сопротивление. Сейчас не было никакого сопротивления. Не было затрат. Он просто увидел, что балка уже сломана в одной из бесконечных веток вероятности, и сделал эту ветку основной. Это было не вмешательство. Это была… коррекция.

Балка над его головой издала тихий, почти мелодичный хруст. И начала рассыпаться.

Это было не обрушение. Не взрыв. Не разрушение. Балка просто превратилась в мелкую древесную пыль, которая заструилась вниз, словно серый песок, и мягко осела на каменный пол. Процесс занял не больше десяти секунд, и когда он закончился, на месте балки остался только ровный срез — как будто её никогда и не было. Потолок над ней остался цел и невредим.

Айла застыла, уставившись на струйку пыли. Её руки, сжимавшие нейросканер, побелели.

— Как… — прошептала она. — Как ты это сделал? Твой «Редактор» не был активирован. Я следила за твоими показателями. Ты не тратил Очки Влияния. Вообще. Стоимость была равна нулю.

— Я не редактировал реальность, — ответил Арт, и его голос прозвучал задумчиво, почти отстранённо. — Я просто нашёл ветку, где она уже была сломана, и сделал её основной. Это не изменение вероятности. Это… выбор правильной вероятности из уже существующих.

— Это невозможно, — покачала головой Айла. — Это нарушает фундаментальные законы…

— Законы Системы, — перебил её Арт. — Но не законы реальности. Система построена на вероятностях. Она просчитывает триллионы исходов и выбирает наиболее вероятный. Но она не может просчитать все исходы. Всегда есть слепые зоны. Ошибки. Баги. Раньше я не видел их. Теперь вижу. Мой навык на максимальном уровне позволяет мне воспринимать реальность так же, как её воспринимает Система. Но в отличие от неё, я могу видеть то, что она упускает.

Он повернулся к Айле и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я вижу её ошибки, Айла. Я вижу то, что она не может или не хочет видеть. И я могу использовать эти ошибки. Не для того, чтобы сломать её. Для того, чтобы… оптимизировать.

Айла долго молчала. Затем она медленно кивнула и указала на дверь.

— Продолжим тест. Но не здесь. Здесь больше нет подходящих целей. Пойдём во двор. Я хочу увидеть, как это работает на чём-то более… сложном.

Они поднялись из подвала и вышли во внутренний двор Форпоста. Серое небо над Пустошами было, как всегда, за-

тянуто тучами. Ветер гонял по камням клочья пепла. На тренировочной площадке, в центре двора, Рун гонял группу новобранцев — человек десять, все из недавно принятых контрактников, которые ещё не прошли полный курс подготовки. Их движения были неуклюжими, удары — неточными, строй — неровным. Рун орал на них, раздавая подзатыльники и непечатные комментарии по поводу их умственных способностей, но Арт видел, что это не помогает. Группа не прогрессировала. Они повторяли одни и те же ошибки снова и снова.

— Отличный объект для теста, — произнёс Арт, и Айла, проследив за его взглядом, кивнула.

— Тренировочный процесс. Ты хочешь его оптимизировать?

— Я хочу увидеть, в чём его слабость. Не в новобранцах — они просто неопытны. Слабость в самой системе тренировки. В том, как Рун отдаёт команды. В том, как они их воспринимают. В том, как построена программа подготовки.

Он активировал своё новое восприятие и посмотрел на тренировочную площадку. И то, что он увидел, поразило его.

Тренировочный процесс был перед ним как на ладони —

не как последовательность действий, а как сложная, многослойная система с обратными связями. Он видел, как каждая команда Руна порождает волну реакций в группе новобранцев. Он видел, где эти волны накладываются друг на друга, создавая хаос. Он видел, где в программе подготовки есть логические разрывы — навыки, которые преподавались в неправильном порядке, что делало их усвоение неэффективным. И он видел главную проблему: у Руна не хватало терпения. Его стиль обучения — грубый, агрессивный, основанный на страхе и унижении, — работал с опытными бойцами, которые привыкли к такому обращению, но для новобранцев, многие из которых были напуганы и деморализованы после всего пережитого, он был скорее помехой, чем помощью.

Вся эта картина предстала перед ним в виде трёхмерной схемы, где каждая ошибка была подсвечена ярким красным. Но что было ещё более поразительно, он видел не только проблемы. Он видел идеальный паттерн — идеальную последовательность действий, которая бы устранила все эти ошибки. Этот паттерн существовал где-то в вероятностном поле, как одна из бесконечных веток реальности, которую Система не выбрала, потому что считала её слишком маловероятной.

Арт сфокусировался на этом паттерне и, прежде чем его сознание успело перегрузиться от объёма информации, он

мысленно перенёс его в свой интерфейс, превратив в серию коротких, чётких инструкций.

Он активировал общий канал связи и заговорил, обращаясь к Руну:

— Рун, останови тренировку на минуту.

Берсерк, который как раз собирался отвесить очередной подзатыльник самому нерадивому новобранцу, замер и обернулся к Арту.

— Что такое, аналитик? Я тут пытаюсь сделать из этого сброда бойцов, а они…

— Я знаю, — перебил его Арт. — Именно поэтому я вмешиваюсь. У меня есть для тебя новая схема. Не спорь, просто выполни.

Он быстро передал ему инструкции — не через голос, чтобы не смущать новобранцев, а через текстовый канал интерфейса. Рун, читая сообщение, хмурился всё сильнее, но спорить не стал. Он слишком хорошо знал, что советы Архитектора всегда работают, даже если были… необычными.

— Ладно, — пробормотал он, отключая канал. — Попро-

буем по-твоему.

Вместо того чтобы продолжать муштру, он приказал новобранцам сесть в круг. Затем, к их полному изумлению, он начал спокойно, почти мягко, объяснять им базовую стойку — ту самую, которую они безуспешно пытались освоить уже неделю. Он показывал каждое движение медленно, подробно, комментируя, какие мышцы должны работать и почему. Он не орал, не унижал, не подгонял. Он просто объяснял.

Арт видел, как схема тренировки перестраивается. Вместо хаотичного наложения волн теперь шла ровная, синхронизированная передача информации от инструктора к ученикам. Вместо страха и напряжения, которые блокировали способность к обучению, теперь формировалось то, что он мог назвать только «оптимальным состоянием восприятия». Это была не магия — это была чистая, холодная алгоритмическая оптимизация человеческих взаимодействий.

Через полчаса группа новобранцев, которая до этого не могла выполнить простейшую связку, начала двигаться с удивительной слаженностью. Их удары стали точнее, стойки — устойчивее, реакции — быстрее. Они всё ещё были новичками, но теперь они учились правильно.

Рун, который наблюдал за ними, забыв про свой скепсис,

покачал головой.

— Это что за хрень сейчас была? — тихо спросил он Арта, когда тренировка закончилась. — Я десять лет гонял новобранцев, но такого не видел. Ты что, залез им в головы?

— Нет, — ответил Арт и пожал плечами. — Я просто нашёл самую эффективную ветку реальности и заменил ею ту, что была.

Рун уставился на него на мгновение, затем махнул рукой и пошёл прочь, бормоча себе под нос что-то о «чёртовых аналитиках» и их «чёртовой магии». Но в его голосе не было злости — только мрачное, почтительное уважение перед силой, которую он не мог понять.

Айла, которая всё это время стояла рядом и следила за показателями Арта, наконец заговорила:

— Твоя ментальная энергия упала до восьмидесяти двух процентов. Это немного. Ты только что оптимизировал процесс, на который у профессионалов уходят годы, и потратил на это меньше одной пятой своего ресурса. Это… пугает.

— Это только начало, — ответил Арт, глядя на новобранцев, которые, радостно переговариваясь, направлялись в ка-

зармы.

Часть 3: Соблазн Абсолюта

К вечеру того же дня эйфория от обретённого могущества начала сменяться чем-то иным. Арт сидел в своём кабинете, заваленном бумагами и голографическими картами, и смотрел на перстень Гаррона, который по-прежнему лежал на столе. Он успел провести ещё несколько тестов — мелких, незаметных, — и каждый раз его новый навык срабатывал безупречно. Он мог видеть слабые места в чём угодно: в организации патрулей, в логистике поставок, в психологических профилях контрактников, в самой структуре своего зарождающегося государства.

И с каждым новым тестом перед ним всё отчётливее вырисовывалась картина идеального порядка. Он видел, как устранить каждую неэффективность, как предсказать и предотвратить каждый бунт, как оптимизировать каждую цепочку поставок, как превратить Форпост в совершенный, неуязвимый, вечный механизм. Он видел «кнопки» в своём интерфейсе — те самые ветки вероятности, которые вели к этому совершенству. И они были такими соблазнительными. Такими близкими. Так легко было просто протянуть руку и сделать этот мир правильным.

Дверь открылась, и вошла Айла. Она была без своего

обычного кожаного фартука, просто в серой робе. В руках она держала две глиняные кружки с травяным отваром — их вечерний ритуал. Увидев его лицо, она остановилась.

— Ты опять считаешь, — сказала она и поставила кружку перед ним. — Но сегодня это выглядит иначе. Обычно, когда ты считаешь, ты холоден и отстранён. Сегодня ты… голоден. Я вижу это в твоих глазах. Что ты видишь?

— Совершенство, — честно ответил Арт и взял кружку. — Я вижу, как сделать этот Форпост, этот сектор, это общество — совершенным. Без трений, без ошибок, без страданий. Я вижу, как устранить каждую уязвимость, предсказать каждый кризис, предотвратить каждую смерть. Это возможно, Айла. Я могу сделать это. Прямо сейчас.

Айла села в кресло напротив и долго смотрела на него, прежде чем заговорить. Её глаза, обычно холодные и отстранённые, сейчас были полны странной смеси страха и сострадания.

— Когда я училась на хирурга, — начала она, и её голос прозвучал тихо, почти как при чтении лекции, — у нас был старый преподаватель. Очень старый, с трясущимися руками, он уже сам не мог оперировать. Но он учил нас теории. И однажды он сказал: «Идеальный хирург — это не тот, кто

делает идеальные разрезы. Это тот, кто знает, когда не нужно резать».

Она сделала глоток из своей кружки и продолжила:

— Ты сейчас видишь уязвимости во всём, Арт. В людях, в процессах, в самой ткани реальности. Ты можешь «исправить» любую из них. Но задумайся на мгновение: что такое уязвимость? Это не просто слабость. Это часть природы живого. Свобода — это уязвимость. Она несёт риск ошибки, бунта, хаоса. Эмпатия — это уязвимость. Она снижает эффективность, заставляет колебаться перед жестоким, но необходимым решением. Надежда — это уязвимость. Она делает людей восприимчивыми к разочарованию. Ты можешь «исправить» всё это. Ты можешь создать общество, лишённое свободы, эмпатии и надежды. Идеально стабильное. Идеально эффективное. И абсолютно мёртвое.

— Я не говорю о мёртвом обществе, — возразил Арт, и его голос прозвучал холоднее, чем он хотел. — Я говорю об обществе, в котором нет бессмысленных смертей. Где дети не умирают от голода, потому что цепочка поставок была оптимизирована. Где бойцы не гибнут из-за ошибки командира, потому что все возможные ошибки просчитаны и предотвращены. Где нет предательства, потому что сама идея предательства устранена.

— Устранена? — Айла подалась вперёд, и её глаза блеснули. — Как? Ты «исправишь» людей, чтобы они не могли предавать? Ты превратишь их в функции? В детали твоей идеальной машины? Поздравляю, Архитектор. Ты только что изобрёл ад. Идеально упорядоченный ад, где все счастливы, потому что не знают, что такое несчастье. Потому что ты отнял у них эту способность.

— Это не то, что я имел в виду, — начал Арт, но осёкся.

Потому что в глубине души он знал, что она права. Он видел это в своём новом восприятии. Он видел, как можно устранить не только внешние угрозы, но и внутренние противоречия. Он видел, как можно «оптимизировать» само понятие человеческой души, превратив её в стабильный, предсказуемый, идеально функционирующий механизм. И это было бы так просто. Так эффективно. Так… соблазнительно.

— Вот видишь, — тихо сказала Айла, заметив его колебание. — Ты сам это понимаешь. Твой новый навык — это не просто инструмент. Это искушение. Самое страшное искушение из всех возможных. Искушение стать Богом. Не тем Богом, который даёт свободу и надежду. А тем, который всё решает за всех, потому что «так будет лучше».

Она встала и обошла стол, остановившись рядом с ним. Положила руку ему на плечо.

— Я не говорю, что ты не должен использовать этот навык, — продолжила она, и её голос стал мягче. — Он у тебя есть, и он может спасти множество жизней. То, что ты сделал с тренировкой новобранцев, было блестяще. Ты предотвратил каскад ошибок, которые привели бы к потерям среди неопытных бойцов в их первом же рейде. Это — благо. Но ты должен установить границу. Чёткую, нерушимую границу между оптимизацией систем и переписыванием человеческой природы. Между предотвращением катастроф и созданием стерильного, безжизненного рая.

Арт долго молчал, глядя на неё. Затем медленно, словно принимая самое трудное решение в своей жизни, кивнул.

— Ты права, — сказал он. — Это искушение. И я почти поддался ему. Я видел этот идеальный мир — и хотел его создать. Но это был бы не мир. Это была бы тюрьма для всех, включая меня.

Он глубоко вздохнул — привычка, сохранившаяся с тех времён, когда он ещё не был Архитектором.

— Хорошо. Я установлю протокол. Пиковый уровень навыка используется только для выявления скрытых, системных угроз — таких, как каскадная цепочка ошибок, которую я предотвратил сегодня со складом. Я буду искать уязвимости, которые могут привести к катастрофе, и устранять их точечно, минимальными средствами. Но я не буду использовать навык для тотального контроля. Не буду «чинить» свободу, эмпатию, надежду. Не буду превращать людей в детали.

— Даже если это будет неэффективно? — спросила Айла, и в её голосе прозвучала ирония, но и облегчение тоже.

— Даже если это будет неэффективно, — подтвердил Арт и сжал её руку. — Потому что эффективность — не высшая цель. Высшая цель — выживание. А выживание без свободы, без надежды, без… тебя — это не выживание. Это существование. Я не хочу просто существовать.

Айла слабо улыбнулась — той самой редкой, почти незаметной улыбкой, которую он видел всего несколько раз. И в этой улыбке была тысяча слов, которые она не произносила вслух.

Часть 4: Предотвращение Невидимого

На следующее утро Арт проснулся с ясной головой и чётким планом действий. Он не собирался использовать свой новый навык, чтобы перекроить реальность. Но он был намерен использовать его для того, что у него всегда получалось лучше всего — для защиты.

Он спустился в Канцелярию Прогнозов, которая уже гудела, как улей. Клерки во главе со Скольдом обрабатывали поток данных, стекавшийся со всего сектора: отчёты о состоянии складов, донесения разведчиков, заявки от контрактников, расчёты коэффициентов для тотализатора. Арт прошёл мимо них, не останавливаясь, и направился в свой кабинет.

Там он активировал свой навык на полную мощность. Но на этот раз он не искал совершенства. Он искал скрытые угрозы. Он поставил перед своим восприятием конкретную задачу: «Покажи мне самую большую уязвимость моего государства, которая реализуется в ближайшие семьдесят два часа».

Мир перед его внутренним взором снова превратился в

паутину. Но теперь он не восхищался её сложностью — он выискивал в ней дефекты. И через несколько минут он нашёл то, что искал.

Это была крошечная, почти незаметная ниточка в огромной сети событий. Усталость конкретного охранника на продуктовом складе №3, которая через три дня приведёт к тому, что он прозевает мелкого воришку из числа контрактников. Кража вызовет недостачу, которую заметит начальник склада. Он обвинит в краже другого контрактника — невиновного. Это приведёт к драке, которая перерастёт в##-бунт в общих бараках. Патруль Корда будет отвлечён на подавление этого бунта. И в тот же самый момент, когда патруль покинет свой пост, падальщик, привлечённый запахом еды с того же склада, прорвётся через брешь в восточной стене — брешь, которую не успели заделать из-за нехватки рабочих рук. Он убьёт одного из новичков. Того самого молодого парня, которого Арт видел вчера на тренировке. Парня, который впервые за долгое время улыбался.

Арт видел всю эту цепочку — от усталости охранника до смерти новичка — с ослепительной, невыносимой ясностью. Это не было предсказанием будущего. Это была карта уже существующих, но ещё не реализованных причинно-следственных связей. И у него была власть разорвать эту цепочку.

Но он не собирался делать это лично. Не собирался наказывать уставшего охранника, который работал двойные смены, потому что у него был больной брат. Не собирался ловить воришку, который крал еду не от жадности, а от голода, потому что его норма была урезана из-за бюрократической ошибки. Он хотел не просто предотвратить катастрофу. Он хотел исцелить систему, которая сделала её возможной. Точечно. Минимальными средствами. Как скальпелем.

Он открыл свой интерфейс и сделал три вещи.

Первое: он отправил короткое сообщение Корду. «Корд, я провёл анализ усталости персонала на складе №3. У охранника по имени Грег зафиксированы признаки хронического недосыпа. Рекомендую сменить его график на ближайшие двое суток, дать ему выходной. И, кстати, у него брат болен — пусть Айла проведает».

Второе: он отправил сообщение Скольду. «Скольд, сегодня же инициируй внеплановую проверку качества и количества пайков, выдаваемых контрактникам. Есть подозрение на ошибки в расчётах норм».

Третье: он отправил сообщение Шену. «Шен, усиль на сутки патрулирование восточной стены, квадрат три-альфа.

Там есть небольшой пролом, который ещё не заделали. Мои расчёты показывают повышенную активность падальщиков в этом районе».

Ни одно из этих действий не было значительным. Они выглядели как рутинные управленческие решения, основанные на анализе данных, которым славилась Канцелярия. Но вместе, действуя одновременно в разных точках системы, они рвали цепочку причин и следствий.

Уставший охранник получит отдых и помощь для брата, его бдительность будет восстановлена. Нормы пайков для контрактников будут пересчитаны, и потенциальный воришка получит достаточно еды законным путём, что устранит мотив для кражи. Пролом в стене будет взят под усиленную охрану до того, как его успеют заделать рабочие. Каскад событий, который должен был привести к бунту и смерти, будет остановлен до того, как начнётся.

Арт откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Это была не магия. Это была хирургия на теле общества. И он провёл её, не сломав ни одной человеческой судьбы, не превратив никого в функцию.

Через несколько часов, ближе к вечеру, в его кабинет заглянул Корд.

— Ты просил доложить, — произнёс он, опираясь на топор. — Охранник Грег. Мы дали ему выходной, Айла выдала лекарства для его брата. Склад №3 под усиленным наблюдением, недостачи не зафиксировано. Скольд нашёл ошибку в расчётах пайков — оказывается, один из клерков не учёл новую норму, которую ты утвердил неделю назад. Ошибку исправили, пайки пересчитали. Контрактники в бараках довольны, никаких драк. И ещё — Шен со своими ребятами застрелил двух падальщиков, которые подобрались к восточной стене. Пролом заделают завтра.

Он помолчал и пристально посмотрел на Арта.

— Это ведь был ты, не так ли? Я не знаю, что именно ты сделал, но эти три события… они не случайны. Ты опять дёргал за ниточки.

— Я просто провёл анализ, — ответил Арт, не открывая глаз.

— Ага, анализ, — хмыкнул Корд. — Твой чёртов анализ. Иногда мне кажется, что ты видишь будущее.

— Я не вижу будущего. Я вижу нити, из которых оно сплетается.

Корд покачал головой и вышел, не сказав больше ни слова. Но в его молчании было что-то новое — не страх и не осуждение, а скорее мрачное, почтительное признание того, что их лидер перешёл на какой-то иной уровень существования.

Эпилог главы

Ночь опустилась на Форпост. Арт сидел в своём кабинете, глядя на перстень Гаррона. Айла, закончившая обход пациентов, вошла и молча села в кресло напротив. Она не спрашивала, о чём он думает — она знала.

— Ты сделал это, — тихо произнесла она наконец. — Предотвратил катастрофу, которую никто не видел. Спас жизнь новичку, который даже не узнает, что мог умереть. И сделал это, не превратив никого в раба. Я… горжусь тобой. Или, по крайней мере, той частью меня, которая ещё способна гордиться.

— Это было трудно, — признался Арт и открыл глаза. — Очень трудно. Я видел идеальное решение — и отказался от него. Я выбрал неэффективный путь. Человеческий путь.

— И это делает тебя сильнее, чем любой навык, — ответила Айла и взяла его за руку.

Они долго сидели так, в тишине. Арт смотрел в темноту перед собой и понимал: он достиг пика. Его навык, его власть, его понимание реальности — всё это было на максимуме. Но самый важный урок, который он выучил за этот

день, заключался не в том, как видеть уязвимости мира. А в том, как видеть свои собственные.

Он открыл свой «Список» и написал последнюю запись перед сном:

«Пик навыка достигнут. Я стал тем, кто видит судьбу как чертёж с ошибками. Я могу их исправить. Я могу стереть их все и создать идеальный, мёртвый порядок. Самое трудное — решить, какую ошибку оставить. Самую важную ошибку, которая делает систему живой. Свободу. Эмпатию. Надежду. Я оставляю их. Не потому что они эффективны. А потому что без них я — просто ещё одна машина в мире, полном машин. И мой якорь, человек с одиннадцатью процентами риска, — тому подтверждение».

Он закрыл блокнот, отключил интерфейс и встал из-за стола. Айла взяла его за руку, и они вместе спустились в лазарет. Там, на своей лежанке, он лёг, прижавшись к ней плечом, и впервые за долгое время его сон был спокойным. Завтра будет новый день. Завтра он продолжит нести бремя своего могущества. Но пока он знал, что всё ещё остаётся человеком. И это было его величайшей победой.

Глава 4. Разлом в Пустошах

Часть 1. Тревожная аномалия

Сороковой день после подавления бунта «Истинных» начался в Разрушенном Форпосте с той же размеренной, почти механической рутиной, которая успела стать новой нормой. Серый рассвет, не менявшийся уже несколько недель, заливал выжженные Пустоши ровным, безжизненным светом, проникая сквозь щели в ставнях и заставляя алхимические горелки в общем зале гореть чуть менее ярко. Ветер, уставший за ночь, притих, и тишина над таверной стояла такая глубокая, что Арт, сидевший в своём кабинете, мог расслышать, как на другом конце здания Скольд диктует что-то своему писарю.

Он сидел за массивным дубовым столом, который был свидетелем стольких военных советов и тайных совещаний. Но теперь на нём лежали не тактические карты с красными точками врагов, а аккуратно разложенные стопки бумаг — отчёты о производительности шахт, сводки по социальным рейтингам контрактников, бухгалтерские ведомости Канцелярии Прогнозов. Война закончилась, уступив место бюрократии. Арт просматривал документ за документом, и его «Детерминированный анализ», работавший в фоновом режиме, высвечивал перед его внутренним взором десятки крошечных отклонений от нормы. Угольная шахта №2 сни-

зила добычу на три процента. Патруль на восточной границе зафиксировал всплеск магического фона, оказавшийся ложной тревогой. У контрактника по имени Мартин развивается сколиоз из-за неправильно подобранного инвентаря — пометка для Медкорпуса. Мелочи. Рутина. Машина управления, которую он построил, работала, но требовала постоянной смазки.

Он взял следующий документ — отчёт от Медкорпуса за подписью Айлы. Каждый раз, видя её имя в этих сухих бюрократических сводках, он испытывал… что? Его «Анестезия» надёжно глушила любые эмоции, превращая чувства в бледные тени самих себя. Но он фиксировал, что его внимание задерживается на этом имени чуть дольше, чем на других. Он пробежал глазами по списку пациентов. Ларс — стабилен. Изыскание навыков у трёх проигравших на Арене — успешно, пациенты переведены в общие бараки. Психологическое состояние Айлы — оценка: удовлетворительно. Он смотрел на эту строчку и знал, что она лжёт. Его навык десятого уровня видел куда больше, чем просто буквы на бумаге. Он видел, как каждая проведённая ею процедура изъятия оставляет микроскопические трещины в её собственных магических каналах. Видел, как усталость, накопившаяся за недели, замедляет её реакцию. Видел её цену.

В кабинет ворвался Скольд. Это было не обычное появле-

ние — Глава Канцелярии Прогнозов всегда двигался быстро, нервно, но сейчас он буквально влетел в дверь, едва не сорвав её с петель. Его новая, тёмно-синяя роба была в беспорядке, волосы взъерошены, а в глазах, обычно горящих лихорадочным азартом, сейчас застыл самый настоящий страх. Он сжимал в руках несколько пергаментных лент — распечаток с магических сенсоров, установленных по всему сектору.

— Аналитик! — выпалил он, забыв о формальностях. — Сенсоры на восточной границе! Они… они сходят с ума!

Арт отложил бумаги и выпрямился. Его лицо осталось спокойным — «Анестезия» не позволяла панике пробиться наружу, — но внутри всё мгновенно сжалось в тугой узел готовности. Он активировал интерфейс и подключился к тактической карте сектора.

То, что он увидел, заставило его замереть. На восточной границе Пустошей, в квадрате 12-восток-альфа, пульсировала аномалия. Она не была красной точкой вражеской армии или оранжевой зоной нестабильности. Она была… ничем. Его «Детерминированный анализ» фиксировал трёхмерную сферу диаметром около двух километров, внутри которой привычные вероятностные поля начинали вести себя хаотично. Причинно-следственные связи, которые его навык де-

сятого уровня видел как паутину из триллионов нитей, в этой зоне искажались, рвались и завязывались в невозможные узлы. Словно кто-то взял аккуратно распутанный клубок и начал завязывать на нём дикие, бессмысленные узлы. Это было похоже на шум в данных, на сбой в самой матрице реальности.

— Докладывай, — коротко приказал он, не отрываясь от голограммы.

— Сенсоры зашкаливают, — Скольд нервно разложил ленты на столе. — Они фиксируют всплески энергии такой мощности, что я даже не могу их классифицировать. Это не магия, не некротика, не что-то, с чем мы сталкивались раньше. Это… что-то иное. И оно растёт. За последние полчаса аномалия расширилась на десять процентов. Если так продолжится, через трое суток она достигнет границ Форпоста.

Арт увеличил изображение аномалии. Его новый навык — « [Анализ слабости]» максимального, десятого уровня — активировался сам собой, повинуясь его воле. Он попытался применить его к аномалии так же, как применял ко всему остальному: найти слабую точку, уязвимость, которую можно использовать. Но то, что он увидел, поразило его больше, чем он ожидал.

Перед его внутренним взором развернулась сложнейшая структура. Это была не просто зона с искажённой реальностью. Это были врата. Арт видел, как ткань мироздания в этом месте истончилась до предела, и сквозь неё, словно вода сквозь треснувшую плотину, сочилась чужеродная энергия. Он видел её природу — она не принадлежала Пантеону. Она была старой, древней, хаотичной. И в её глубине, в самом центре аномалии, формировалось нечто, напоминающее проход. Данж. Бездна.

— Порталы во внешние сектора заблокированы карантином, — произнёс он вслух, размышляя. — Но этот разлом ведёт не в другой сектор. Он ведёт… куда-то ещё. В место, которое Система либо не контролирует, либо намеренно скрывает.

— Что нам делать? — спросил Скольд дрожащим голосом.

— Собирать информацию, — ответил Арт. — И готовить группу.

В кабинет вошёл Шен. Он двигался бесшумно, как всегда, но его лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало тревогу. Он нёс в руках несколько амулетов-накопителей — данных с дронов-разведчиков, которые он отправлял к аномалии.

— Данные, — коротко сказал он, кладя амулеты на стол. — Но прежде чем ты их просмотришь, я должен предупредить: двое разведчиков не вернулись. Те, кто вернулся, говорят… странные вещи. Они говорят, что реальность вокруг разлома меняется. Что там нет верха и низа, нет направления. Что время течёт по-другому. И ещё они говорят, что видели там существ. Не монстров — существ. Они называют их «бесформенными».

Арт взял один из амулетов и активировал его. Перед ним развернулась голографическая запись с дрона-разведчика. Качество было плохим — помехи искажали изображение, делая его рваным и дёрганым. Но то, что он увидел, было достаточно ясным. Местность вокруг аномалии изменилась. Пустоши, обычно серые и однообразные, здесь были покрыты странными наростами — чёрными, пульсирующими, похожими на застывшую молнию. Воздух дрожал, искажая контуры предметов. А в центре всего этого, в огромном кратере, зиял сам Разлом — вертикальная трещина в воздухе, из которой вырывался багровый, пульсирующий свет.

— Уровень угрозы, — произнёс Арт, сверяясь с данными Системы. — Девяносто плюс. Это выше, чем всё, с чем мы сталкивались раньше. Даже Королевская Битва не достигала такого порога.

— Значит, мы не можем просто игнорировать это, — раздался голос от двери.

Вошёл Корд. Он, как всегда, опирался на свой топор, и его лицо было мрачным. Он, видимо, уже был в курсе происходящего. Следом за ним в кабинет, привлечённые тревожными новостями, начали подтягиваться остальные ключевые члены команды. Рун, сжимающий «Дробильщик», и его лицо выражало не страх, а скорее возбуждение — предвкушение настоящей драки после недель бездействия. Марта, спокойная, но напряжённая, с рукой на эфесе меча. Эли, вошедшая последней, встала у двери и молча ждала приказов.

И Айла. Она вошла бесшумно, как всегда, но Арт заметил, что она выглядит ещё более уставшей, чем обычно. Она держала в руках портативный нейросканер — видимо, собиралась провести очередной осмотр. Увидев собравшихся, она сразу всё поняла и заняла своё место у стены, готовая слушать.

— Что у нас? — спросил Корд и кивнул на голограмму аномалии.

— Разлом, — ответил Арт. — Или, точнее, данж, ведущий в Бездну. Мои сенсоры фиксируют, что он расширяется.

Если мы ничего не сделаем, через трое суток зона аномалии достигнет наших границ. Что будет тогда — я не могу предсказать. Мой навык не работает внутри этой зоны. Слишком много хаоса, слишком мало логики.

— Твой навык не работает? — переспросила Эли, и в её ровном голосе проскользнула тень удивления. Она привыкла к тому, что Архитектор знает всё. Что он видит всё. Что он непогрешим. Известие о том, что его абсолютный навык дал сбой, было для неё шоком.

— Не совсем так, — поправил Арт. — Он работает, но данные, которые он выдаёт, противоречивы. Внутри аномалии привычные законы причинности нарушены. Я вижу уязвимости, но они меняются быстрее, чем я могу их обработать. Это первое, с чем мой навык не справляется в полной мере. Это… новый вызов.

— Значит, мы идём туда и разбираемся, — прогудел Рун и хищно оскалился. — Чего тянуть? Соберём рейд и зачистим это место. Сколько там может быть монстров?

— Дело не в количестве, — возразил Арт и увеличил изображение аномалии. — Дело в том, что мы не знаем правил. Это не стандартный данж с боссами и лутом. Это проход в Бездну — место, которое Система, возможно, не контро-

лирует. Или контролирует не полностью. Монстры там могут не иметь стабильной формы. У них может не быть привычных уязвимостей. И самое главное — я не смогу вести вас так же эффективно, как на Арене. Вам придётся действовать самостоятельно. Принимать решения на месте. Доверять инстинктам.

— Мы справимся, — спокойно сказала Марта. — Не в первый раз.

— Я пойду, — тихо произнесла Айла. Все посмотрели на неё. — Как полевой хирург и как учёный. Мне нужно понять природу этой аномалии. Как она влияет на живые организмы. И… как с ней бороться.

Арт встретился с ней взглядом. Он видел её усталость. Он видел те самые микроскопические повреждения в её магических каналах. Часть его — та часть, которая всё ещё была способна на что-то, кроме холодного анализа, — хотела сказать ей остаться. Но он знал, что она не послушает. И он знал, что она нужна группе. Не как якорь для него — как специалист, чьи навыки могут стать решающими.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда решено. В рейд идут Корд, Рун, Марта, Эли, Айла и я. Шен, ты остаёшься в Форпосте и поддерживаешь связь через дронов. Если мы не вер-

нёмся через сутки — активируешь протокол «Выжженной Земли». Уничтожаешь все данные, эвакуируешь гражданских, уводишь людей на запад.

— Принято, — коротко ответил Шен.

— Скольд, — продолжил Арт, — пока меня не будет, ты управляешь Канцелярией. Никаких новых решений без моего одобрения. Только текущая работа.

— Да, аналитик! — выпалил Скольд, и его голос дрогнул. — Я не подведу!

Арт обвёл взглядом собравшихся. Его команда. Его люди. Те, кто прошли с ним через «Проповедь», через Битву, через зачистку «Костоломов», через подавление бунта. Они были изранены, измотаны, но они всё ещё стояли. И они всё ещё были готовы идти за ним в неизвестность.

— Выдвигаемся через час, — сказал он. — Проверьте снаряжение. Никаких опознавательных знаков, но это уже привычка — вряд ли там будет кого вводить в заблуждение. И ещё… — он помолчал. — Если со мной что-то случится, командование переходит к Корду. Без споров.

Никто не стал спорить. Все разошлись готовиться.

Часть 2. У порога Бездны

Портал Арт открыл на безопасном расстоянии от аномалии — в полукилометре от края зоны искажения. Он не хотел рисковать, выводя группу прямо в эпицентр неизвестного феномена. Когда они вышли из портала, то сразу ощутили разницу. Воздух здесь был другим. Он не просто пах гарью и озоном, как везде в Пустошах после коллапса Арены. Здесь к этим запахам примешивалось что-то ещё — сладковатый, тошнотворный аромат, который Арт не мог идентифицировать. И тишина. Она стояла такая глубокая, что звон в ушах казался громче любого звука. Даже ветер, всегда гулявший по Пустошам, здесь стих, словно боялся приближаться к этому месту.

Перед ними простиралась изменённая земля. Трещины в почве, из которых сочился слабый багровый свет. Чёрные наросты, похожие на окаменевшие щупальца, тянулись к небу, пульсируя в такт далёкому гулу, который исходил от самого Разлома. В воздухе висела мелкая, почти невидимая пыль, которая искрилась в лучах серого солнца, создавая иллюзию, что само пространство здесь повреждено и «искрит».

— Красиво, — мрачно прокомментировал Рун, оглядывая пейзаж. — Прямо как в лазарете у Айлы, когда она экс-

периментирует с новыми зельями.

— Мои зелья пахнут лучше, — сухо ответила Айла, не отрываясь от своего сканера. Она уже активировала «Полевого хирурга» и сканировала окружающее пространство. — И они не вызывают мигрень одним своим присутствием. Здесь концентрация некротической энергии… даже не могу измерить. Мой сканер просто зашкаливает.

Арт тоже активировал свои навыки. «Детерминированный анализ» работал, но данные, которые он выдавал, были искажены. Вероятностные поля вокруг Разлома напоминали не ровную сеть из нитей, а скорее картину экспрессиониста — разорванные мазки, пересекающиеся под невозможными углами. Он попытался применить « [Анализ слабости]» к самому Разлому и снова получил калейдоскоп из противоречивых данных. Это было похоже на попытку прочитать книгу, в которой все буквы постоянно меняются местами. Он видел десятки уязвимостей, но каждая из них существовала лишь долю секунды, прежде чем смениться другой.

— Мой навык здесь работает хуже, чем я ожидал, — честно признал он. — Я вижу уязвимости, но они нестабильны. Меняются быстрее, чем я могу их обработать. Это означает, что в бою я не смогу давать вам точные указания. Вам придётся действовать самостоятельно. Как в старые времена. До

того, как я стал Архитектором.

— Как в старые времена, — повторил Корд и хмыкнул. — Когда ты просто орал нам, куда бить, а мы махали топорами. Иногда я скучаю по тем дням.

— Я нет, — ответил Рун и поправил «Дробильщик». — Тогда у меня броня была дерьмовая.

Они двинулись к Разлому. По мере приближения изменения в реальности становились всё более заметными. Группа шла по тому, что когда-то было ровной пустошью, но теперь земля под ногами то вздыбливалась острыми гребнями, то проваливалась в глубокие воронки. Вокруг валялись обломки скал, которые выглядели так, словно их вырвали из земли гигантской рукой и бросили где попало. Некоторые обломки парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, и это зрелище вызывало у всех чувство глубинной, иррациональной тревоги.

— Гравитация здесь нарушена, — заметила Марта, указывая на парящие камни. — Будьте осторожны. Шаг может оказаться длиннее или короче, чем вы ожидаете.

И действительно, идти было трудно. Тело постоянно обманывалось, и несколько раз Руну приходилось хвататься за

Корда, чтобы не упасть, когда земля внезапно уходила из-под ног или, наоборот, подбрасывала его вверх.

Наконец, они достигли края кратера. Он был огромен — не менее километра в диаметре, — и его склоны, покрытые чёрным, спекшимся камнем, уходили вниз, в багровую мглу. В центре кратера зиял сам Разлом. Это была трещина в воздухе, висящая вертикально, словно рана в теле реальности. Она пульсировала собственным светом, и от неё исходил тот самый низкий, вибрирующий гул, от которого зудели зубы и волосы вставали дыбом. Вокруг Разлома формировались странные, постоянно меняющиеся структуры — то ли кристаллы, то ли сгустки энергии, которые то появлялись, то исчезали.

— Ворота в ад, — тихо произнесла Эли, и в её голосе, обычно лишённом эмоций, прозвучало нечто похожее на благоговейный ужас.

— Или в Бездну, — поправил Арт. — Что, впрочем, одно и то же. Всем приготовиться. Входим строем. Корд и Рун — впереди, я и Айла — в центре, Марта и Эли — на флангах. Никакой самодеятельности. Если видите что-то, что не можете опознать — не трогайте. Айла, что показывают сканеры?

— Жизнь, — ответила она, и в её голосе прозвучало удивление. — Или, по крайней мере, то, что мои сканеры интерпретируют как жизнь. Внутри Разлома есть движение. Много движения. И энергия просто… невероятная. Я не знаю, как это описать. Это как если бы сама Бездна была живым существом.

— Значит, нас ждут, — резюмировал Корд и поднял топор. — Что ж, не будем заставлять их ждать.

Они начали спуск в кратер.

Часть 3. Первый ярус. Бесформенные

Переход через Разлом ощущался как падение в ледяную воду — только вода была не водой, а чем-то вязким, тягучим, что на мгновение окутало каждого из них плотным коконом, выбивая воздух из лёгких и заставляя инстинктивно задержать дыхание. Когда это ощущение прошло, они оказались по ту сторону.

Арт ожидал увидеть что-то похожее на пещеру или катакомбы — типичные данжи Пантеона. Но то, что предстало перед ними, не имело ничего общего с привычными подземельями. Они стояли на широкой, почти бесконечной платформе из чёрного, блестящего, как обсидиан, камня. Под ними, над ними и вокруг них не было ничего — только пустота, заполненная медленно плывущими облаками багрового и фиолетового тумана. В этой пустоте, на разном расстоянии, парили другие платформы — некоторые размером с дом, некоторые крошечные, как обеденный стол. Они были соединены тонкими, эфемерными мостами из света, которые то появлялись, то исчезали.

— Это место не имеет стабильной геометрии, — произнёс

Арт, сканируя пространство. — Мосты появляются и исчезают случайным образом. Нам придётся угадывать путь. Или ждать, пока мост появится.

— Или прыгать, — предложил Рун, глядя на соседнюю платформу.

— Прыгать в пустоте, где нет ни верха, ни низа, — процедила Марта. — Отличная идея. Особенно если гравитация решит сменить направление в полёте.

Первую атаку они заметили не сразу. «Бесформенные», как их назвали разведчики, не вышли из укрытия, не вылезли из-за камней. Они просто материализовались из тумана. Одно мгновение воздух перед группой был пуст, а в следующее он уже сгустился в нечто — бесформенную, переливающуюся всеми оттенками чёрного и багрового массу, которая не имела ни глаз, ни рта, ни конечностей, но при этом двигалась с явной, целеустремлённой агрессией.

— Контакт! — крикнул Корд, и в тот же миг Рун бросился вперёд.

«Дробильщик» описал широкую дугу и обрушился на массу. Арт ожидал, что удар разорвёт бесформенное существо на куски, но этого не произошло. Топор Руна просто

прошёл сквозь него, как сквозь туман, не встретив сопротивления. Масса расступилась, пропуская лезвие, а затем снова сомкнулась, словно вода за кормой лодки. В следующий момент она контратаковала — выбросила из себя десяток тонких, как иглы, щупалец, которые устремились к Руну.

— Щит! — рявкнул Корд, и Марта, оказавшаяся рядом, активировала свой магический барьер. Иглы ударили в щит и разлетелись брызгами, которые, падая на каменный пол, прожигали в нём дыры.

— Это не физическое тело! — крикнула Айла, не отрываясь от сканера. — Это… сгусток энергии, который временно принимает материальную форму! Мой сканер показывает, что его структура меняется каждые две-три секунды! Арт, ты видишь?

— Вижу! — ответил он, пытаясь применить « [Анализ слабости]» к существу. — Но данных слишком много! Слабое место перемещается хаотично! Сейчас это центр массы, через секунду — левый край, ещё через секунду — вообще всё существо становится уязвимым для магии, но не для физического урона!

— Значит, будем бить всем подряд! — прорычал Рун, вставая после неудачной атаки. — Эли, огонь!

Эли метнула своё усиленное копьё. Оно, в отличие от топора Руна, было пропитано магической энергией. И на этот раз удар достиг цели. Копьё вонзилось в центр массы — именно в тот момент, когда, по данным Арта, она была уязвима для магии. Бесформенное существо издало звук — не крик, а скорее низкий, вибрирующий стон, который, казалось, раздавался сразу со всех сторон, — и начало распадаться. Его масса пошла рябью, теряя плотность, и через несколько секунд от него осталась только горстка медленно тающей чёрной пыли.

— Магия работает, — констатировала Эли, подбирая копьё. — Физические атаки почти бесполезны. Каждые несколько секунд у них есть окно уязвимости.

— Но в разное время — для разного типа атак, — добавил Арт, переваривая полученные данные. — Это… это усложняет тактику. В обычном бою я могу сказать вам, куда и когда бить. Здесь я могу сказать только, каким типом атаки бить и в какой примерно момент. Координацию оставляю на вас.

— Значит, будем импровизировать, — подвёл итог Корд и взмахнул топором, который он также напитал магической энергией через специальный амулет. — Группа, перестроиться! Магический строй! Руны бить по очереди! Сначала

Рун — пробует физикой, потом Эли — магией, потом я — закрепляю! Марта — щиты на всех! Арт — корректировать по готовности! Айла — следить за тылом!

И они двинулись вперёд, прыгая с платформы на платформу по появляющимся и исчезающим мостам и постоянно отбиваясь от новых «бесформенных», которые материализовались из тумана со всех сторон. Тактика Корда работала, но требовала колоссального напряжения. Каждый бой превращался в хаотичную, непредсказуемую схватку, где успех зависел не столько от мастерства, сколько от удачи — успеют ли они попасть в нужное окно уязвимости? Арт делал всё, что мог, выкрикивая данные, которые его навык выхватывал из калейдоскопа вероятностей: «Магия, сейчас!», «Физика, левый край!», «Отступаем, сейчас взорвётся!». Его голос, холодный и отстранённый, разносился в багровой пустоте, и группа подчинялась ему беспрекословно.

После одного особенно яростного боя, где им пришлось отбиваться сразу от трёх «бесформенных», Корд, тяжело дыша, повернулся к Арту.

— Ты говорил, что твой навык здесь не работает, — произнёс он, вытирая пот со лба. — А по-моему, работает отлично. Без тебя мы бы уже давно сдохли.

— Он работает хуже, чем обычно, — ответил Арт. — Я вижу не все окна. Только самые явные. И это стоит мне ментальной энергии. Если так продолжится, я выдохнусь раньше, чем мы достигнем центра аномалии. Нужно найти способ драться без моей постоянной подсказки. Вы должны научиться предугадывать их слабости сами.

— Предугадывать то, что меняется каждые две секунды? — хмыкнула Марта. — Легко сказать.

— У них есть паттерны, — вмешалась Айла. Она уже несколько минут не участвовала в бою, полностью погрузившись в анализ данных своего сканера. — Я заметила. Перед тем, как они становятся уязвимы для магии, их свечение меняется на один тон. Становится чуть более синим. А перед физической уязвимостью — более красным. Это тонкое изменение, но его можно заметить. Не нужно быть Архитектором, чтобы это увидеть. Нужно быть просто очень внимательным врачом.

Она показала данные на своём сканере остальным. Группа быстро изучила паттерн. Это была первая значимая победа в этом рейде — не над монстрами, а над самой логикой Бездны. Теперь каждый боец мог самостоятельно определить тип грядущей атаки по цвету существа, снижая зависимость от прогнозов Арта. Это было рождением новой, бо-

лее гибкой тактики.

Часть 4. Второй ярус. Лабиринт вероятностей

Первый ярус Бездны они прошли, ориентируясь по платформам. Второй встретил их совершенно иначе. Здесь не было ни парящих островков, ни мостов из света — лишь бесконечный, уходящий во все стороны коридор. Его стены были сложены из зеркального материала, искажающего отражения, а пол состоял из гигантских каменных плит, подвешенных над бездонной пропастью. Каждая плита была покрыта светящимися символами, которые постоянно менялись.

— Здесь, — произнёс Арт, осматриваясь, — само пространство пытается нас запутать. Я чувствую, как вероятностные поля здесь сплетаются в узлы, создавая иллюзию выбора. Сделайте шаг не туда — и выйдете в другом месте или не выйдете вообще.

Действительно, вскоре они наткнулись на развилку. Два абсолютно одинаковых коридора уходили влево и вправо. Разница, однако, была в том, что Арт, используя свой навык, видел, как в левом коридоре нить вероятности ведёт к их выживанию, а в правом — обрывается в чёрную, мёртвую пустоту.

— Налево, — сказал он уверенно. — Правый коридор — ловушка. Там нет будущего.

Но когда они двинулись дальше, развилки начали повторяться снова и снова. И каждый раз Арт, используя своё умение видеть «уязвимости событий», выбирал правильный, «живой» путь. Это требовало всё большей концентрации. Его ментальная энергия таяла с каждым шагом. Лабиринт не атаковал их монстрами — он атаковал сам разум Архитектора, заставляя его постоянно быть на пике своего восприятия.

А затем в зеркальных стенах начали появляться фантомы.

Сначала это были неясные тени — отражения, которые двигались не в такт с их собственными движениями. Потом они обрели плоть. Из зеркала на Арта посмотрел он сам — но другой. Его отражение сидело на троне из пепла, окружённое безмолвными, послушными фигурами, лишёнными лиц. Это был тот самый образ, который преследовал его во сне. Но теперь он был явным, почти осязаемым.

— Не смотри в зеркала! — резко приказала Айла, заметив, что Эли застыла перед своим отражением.

Эли видела себя, но не таким идеальным солдатом, каким

стала. Она видела себя прежнюю — испуганную, сомневающуюся, полную надежд. А второе отражение, которое существовало в зеркале отдельно от неё, смотрело на неё с бесконечной печалью и презрением. — «Ты стала машиной. Ты потеряла всё, во что верила. И ради чего? Ради него? Посмотри, во что он тебя превратил. Ты — лишь инструмент в его руках. Ты хуже, чем мертва. Ты — пуста».

— Замолчи, — прошептала Эли, но не могла отвести взгляд.

— Эли! — Айла схватила её за плечо и силой оттащила от зеркала. — Это не ты! Это иллюзия! Бездна играет с нами, заставляя видеть наши худшие страхи и сомнения!

— Я знаю, — ответила Эли, и в её голосе, обычно лишённом эмоций, прозвучала боль. — Но это ничего не меняет. Это правда. Я стала инструментом.

— Ты стала сильнее, — твёрдо сказала Айла. — Ты не потеряла себя. Ты изменилась. Как и все мы. Изменение — это не потеря.

Сама Айла старалась не смотреть в зеркала, но одно всё же поймало её. Она увидела себя в операционной, склонившейся над столом. На столе лежал Арт. Её руки, держащие

скальпель, были спокойны и точны. Она методично, как и сотни раз до этого, проводила «процедуру изъятия», вырезая из него всё, что делало его человеком. И в её отражении не было ни капли сожаления. Только холодная, профессиональная отстранённость. «Ты боишься не того, что он станет машиной, — прошептало зеркало её же голосом. — Ты боишься, что тебе это понравится. Что ты, в конце концов, „исправишь“ его скальпелем, превратив в идеального, послушного партнёра, которого всегда хотела. Ты не его якорь. Ты — его тюремщик».

Айла вздрогнула и отшатнулась. Этот образ был слишком реален, слишком похож на её собственные, глубоко запрятанные мысли. Она не стала спорить с ним. Она просто стиснула зубы и пошла дальше.

Наконец, после нескольких часов блуждания и постоянных атак разума, они вышли из зеркального лабиринта. Арт, обессиленный, опирался на плечо Корда. Его ментальная энергия упала до критических сорока процентов — впервые с момента Королевской Битвы. Он потратил колоссальный ресурс, просто выбирая правильные повороты.

— Третий ярус, — тихо произнесла Марта, глядя на новый коридор, уходящий вниз и начинающий пульсировать ещё более ярким, тревожным багровым светом. — Мы идём

глубже. К центру.

— Да, — подтвердил Арт, пытаясь восстановить дыхание. — И то, что мы увидели здесь, — лишь преддверие. Самое сложное впереди. Теперь мы знаем, что Бездна — это не просто монстры. Это — отражение наших страхов. И с этим не справиться никаким оружием. Только волей.

Часть 5. Третий ярус. Пятый рубеж

Чем глубже они спускались, тем более чуждым и непостижимым становилось пространство вокруг. Третий ярус данжа был уже не лабиринтом и не скоплением платформ. Это была огромная, открытая всем ветрам пустота, похожая на дно высохшего океана, усеянное обломками кораблей — только корабли были сделаны не из дерева, а из окаменевшего света и теней. Небо над головой отсутствовало, заменённое бесконечным, медленно вращающимся вихрем из багровых и чёрных облаков, который, казалось, засасывал в себя сам свет.

Именно здесь они наткнулись на пятый ярус — невидимый рубеж, за которым реальность окончательно сошла с ума. Арт почувствовал это мгновенно. Его « [Анализ слабости]» не просто начал выдавать противоречивые данные; он начал выдавать ложные. Навык, который всегда был его щитом, его оружием, его абсолютным пониманием мира, внезапно начал ему лгать. Каждый раз, когда Арт пытался найти уязвимость в пространстве или монстрах, его навык услужливо подсовывал ему решение — и каждый раз это решение вело в ловушку.

«Кристалл в центре зала — он управляет всей аномалией!

Уничтожь его, и Разлом закроется!» — уверял его навык.

Арт поднял руку, уже готовый отдать приказ Эли для броска копья, но Айла перехватила его запястье.

— Стой! Посмотри на это! — Она поднесла свой сканер. — Этот кристалл не излучает никакой энергии. Он — просто голограмма, пустышка, которую твой навык почему-то интерпретирует как слабое место. Твой навык обманывает тебя. Он не видит реальность, он видит то, что Бездна хочет, чтобы ты видел. То, что соблазнит тебя нанести удар в пустоту.

Это было страшное осознание. Его абсолютный навык стал не просто бесполезным — он стал его уязвимостью, инструментом, который враг повернул против него самого. Арт впервые за долгое время почувствовал, как внутри что-то сжимается. Это была не паника — его «Анестезия» надёжно глушила любые эмоции. Но это было нечто похожее на бессилие. На потерю контроля.

— Тогда как нам бороться? — спросил он, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно.

— Как мы боролись до того, как ты стал Архитектором, — ответила Айла и посмотрела ему прямо в глаза. — До-

вериться инстинктам. Мой сканер показывает, что монстры здесь не имеют ни одной уязвимости. Вообще. Они — сгустки чистой энергии, и их нельзя уничтожить физически или магически.

— Тогда как их убить? — прорычал Рун, отбиваясь от очередного «бесформенного». Его топор проходил сквозь тварь, не причиняя ей вреда, и каждый удар, казалось, только злил её.

— Их нельзя убить, — тихо произнесла Айла, и в её голосе прозвучало осознание. — Им можно только приказать. Это существа не плоти. Они — сама энтропия. Ими управляет не логика, а ритуал. Тишина. Им нужен шум, чтобы существовать в нашей реальности. Лиши их шума — и они потеряют связь с нашим миром.

Это была безумная догадка. Но Арт, даже с его сбоящим навыком, видел, как в полной тишине, наступавшей после очередного яростного рёва Руна, «бесформенные» на мгновение теряли плотность, становясь почти прозрачными. Он ухватился за эту мысль.

— Всем! — скомандовал он, переключаясь на общий канал. — Немедленно прекратить шум! Замрите! Задержите дыхание! Ни звука!

Группа, привыкшая подчиняться его приказам беспрекословно, выполнила команду мгновенно. Рун, занесший топор для следующего удара, застыл на месте. Эли, готовая метнуть копьё, замерла с поднятой рукой. Марта, активировавшая очередной щит, остановила заклинание на полуслове. Корд встал, как скала, сжимая топор и замерев. Айла задержала дыхание.

Тишина накрыла поле боя, словно саваном. Она была такой глубокой, что Арт слышал биение собственного сердца — размеренное, спокойное, механическое. И в этой тишине «бесформенные» начали терять форму. Их контуры поплыли, размываясь в багровом тумане. Ужас на их «лицах» — если можно было назвать лицами сгустки хаоса — сменился растерянностью. Они не исчезли, но стали прозрачными, неспособными взаимодействовать с группой. Они стали просто тенями в Бездне.

— Они боятся тишины, — прошептал Арт, осознавая. — Это их слабость. Не физическая, не магическая. Их слабость — в их природе. Они — эхо хаоса. А хаос не может существовать в абсолютной тишине.

Это было первое и самое важное открытие рейда. Группа, используя новую тактику, двинулась дальше. Теперь каждый

бой они начинали с того, что маги поддержки создавали «зону молчания» — небольшой купол, внутри которого не было ни звука. В этой зоне «бесформенные» теряли свою силу, и бойцы могли спокойно проходить мимо них или наносить им урон, не опасаясь ответной атаки.

Арт наконец отключил свой навык. Впервые за долгое время он просто перестал анализировать. Не потому что испугался, а потому что понял: здесь, в Бездне, его навык — не оружие, а обуза. Он доверился инстинктам Айлы, тактическому опыту Корда и боевому чутью всей группы. И это доверие, а не абсолютный контроль, вело их вперёд.

Часть 6. Нижний ярус. Тварь

Наконец, пройдя через зоны с изменённой гравитацией, через залы, где время текло вспять, и коридоры, выложенные из их собственных воспоминаний, они достигли последнего яруса. Это был огромный, куполообразный зал, свод которого терялся в багровой дымке. В центре зала, словно паук в паутине, висело Оно.

Тварь. Она была огромна. Её тело, состоящее из переплетённых нитей чистой тьмы и багрового света, занимало почти весь зал. Она не имела постоянной формы — её очертания постоянно текли, менялись, распадались и собирались вновь. Вместо глаз у неё были звёзды холодного, безжизненного белого огня. Вместо рта — зияющая пустота, которая, казалось, засасывала в себя сам свет. Это был босс 99-го уровня. Порождение Бездны. Сторож Разлома.

— Боже мой, — прошептала Марта, и в её голосе, впервые за долгое время, прозвучал настоящий, животный страх.

— Это оно, — констатировал Корд, и его голос был мрачен. — Источник всей аномалии. Если мы убьём его, Разлом, возможно, закроется.

— Если сможем убить, — поправила Айла, не отрываясь от сканера. — Уровень угрозы — 99. И, судя по тому, что я вижу, у него нет ни одного слабого места. Физически. Но… я фиксирую странные колебания энергии. Оно… боится. Не нас — но чего-то. Какой-то концепции.

Тварь не стала ждать. Она атаковала первой. Из её тела вырвались сотни щупалец тьмы — каждое толщиной с человеческое туловище, — и устремились к группе. Марта активировала щит на полную мощность, но одно из щупалец пробило его, как бумагу, и ударило Корда в грудь. Лидер Форпоста отлетел на несколько метров и рухнул на каменный пол. Его топор, выпавший из рук, со звоном покатился в сторону.

— Корд! — крикнул Рун и бросился к нему, но другие щупальца преградили ему путь.

Танк — сердце их обороны — был выведен из строя одним ударом. Ситуация мгновенно стала критической. Тварь, почувствовав победу, начала стягивать свои щупальца к центру, готовясь нанести последний, сокрушительный удар.

И в этот момент Айла сделала шаг вперёд. Не раздумывая. Не просчитывая шансы. Её «Полевой хирург» был активирован на полную мощность, и он показывал ей то, что не видел никто другой. Она видела, как энергия Твари пульсиру-

ет, как сжимается фокус её атаки. И она видела единственную, микроскопическую точку дисбаланса в самой структуре существа.

— Арт! — крикнула она, вставая между группой и надвигающимися щупальцами. — Оно боится тишины! Оно питается нашим страхом, нашей болью, нашим шумом! Я создам зону молчания, но мне нужно, чтобы ты держал её концентрацию! Я не потяну это одна!

Она раскинула руки, активируя свой самый мощный медицинский артефакт — тот, который использовала только в крайних случаях. Вокруг неё и Твари начал формироваться идеально ровный, сферический купол абсолютной тишины. Это было страшное заклинание — оно высасывало из неё жизненную силу, стремительно состаривая её клетки. Половина её здоровья просто ушла в эту сферу, но купол встал.

Тварь взвыла — беззвучно, но от этого воя содрогнулись сами основы реальности. Её щупальца, лишённые шума, начали терять плотность и хаотично биться о купол, не в силах прорваться наружу. Внутри купола, в абсолютной тишине, существо начало распадаться. Оно не могло существовать без шума. Без хаоса. Без страха. Тишина убивала его.

— Сейчас! — прохрипела Айла, падая на колени. Её лицо

стало серым от потери крови и жизненной силы.

Арт, используя свой «Редактор коэффициентов», потратил последние Очки Влияния не на удар, а на поддержку её ауры. Он не мог найти уязвимость — это сделала Айла. Он просто подкрепил её волю системной силой. Купол сжался вокруг Твари, словно мыльный пузырь, и с оглушительным (для них, снаружи купола) хлопком лопнул, разметав останки монстра в мелкую, тающую пыль.

Тишина накрыла зал. На этот раз — настоящая. Тварь была мертва.

Часть 7. Трофей Бездны

Когда останки Твари окончательно рассеялись, на том месте, где она висела, остался только небольшой предмет. Он парил в воздухе, медленно вращаясь и пульсируя холодным, голубоватым светом. Это был «Осколок Пустоты» — не такой, как те, что они находили раньше. Этот был больше, чище, и в его сердцевине, казалось, была заключена целая вселенная.

Айла, всё ещё стоявшая на коленях и пытавшаяся восстановить дыхание, подняла голову и посмотрела на осколок. Её глаза, уставшие и полные боли, загорелись холодным, аналитическим огнём.

— Это… это материал для легендарного оружия, — прошептала она. — Я чувствую его потенциал. Мы можем использовать его. Для исследований. Для защиты.

— Забери его, — тихо сказал Арт, помогая ей подняться. — Ты заслужила. Ты спасла нас всех. Ты нашла его слабость, когда мой навык врал мне в лицо. Ты заплатила за эту победу больше всех. Осколок твой по праву.

Айла молча кивнула и протянула руку. Осколок Пустоты,

словно признавая её, мягко скользнул в её ладонь, и его свет на мгновение озарил всё её лицо, стирая следы боли и усталости.

В этот момент интерфейс Арта ожил. Впервые за всё время, что они были в Бездне, системные уведомления отображались чётко и без помех.

«Поздравляем. Данж „Бездна“ успешно пройден. Мировой босс 99-го уровня уничтожен. Эффективность группы: высокая. Потери: минимальные».

«Получен предмет: Большой Осколок Пустоты (легендарный материал)».

«Пользователь „Арт“ получает опыт… Уровень повышен: 78 → 82».

Волна энергии, чистой и холодной, прокатилась по телу Арта. Уровни прибавлялись один за другим, наполняя его силой. Ментальная энергия, упавшая до критической отметки, начала стремительно восстанавливаться. Нейронные связи, перегруженные во время рейда, стабилизировались. Он снова чувствовал себя целым. Нет — больше, чем целым. Он чувствовал себя обновлённым.

Но вместе с силой пришло и знание. Его навык, перестав врать, выдал ему полную картину произошедшего. Он увидел, как Айла, жертвуя собой, закрыла группу. Он увидел, как её жизненная сила ушла в купол. И он увидел цену, которую она заплатила. Эта жертва не была напрасной, но она оставила шрамы, которые не залечить.

— 82-й уровень, — произнесла Эли, наблюдавшая за ним. — Ты стал ещё сильнее. Поздравляю.

— Это не моя победа, — ответил Арт, глядя на Айлу. — Это её.

Айла, которая к этому времени уже пришла в себя и теперь изучала трофей, обернулась. В её глазах читалась усталость, но и какое-то новое, горькое удовлетворение.

— Неправда, — сказала она. — Это общая победа. Ты доверился нам — и мы справились. Может быть, это и есть урок, который Бездна пыталась нам преподать. Абсолютный контроль — это ловушка. Настоящая сила — в доверии.

Они покинули данж и двинулись обратно к Форпосту через открытые порталы. Обратный путь не занял много времени. Арт шёл последним, глядя, как его группа — его израненная, но несломленная команда — направляется домой.

Он думал о том, что сказала Айла. Об уроке Бездны. О доверии. О том, что его абсолютный навык, который он так долго лелеял как свой величайший дар, может стать его величайшим проклятием.

Когда они вернулись в таверну, Арт, не останавливаясь, направился в свой кабинет. Он сел за стол, активировал интерфейс и открыл свой «Список». Ему нужно было записать выводы, пока они были свежи в памяти.

Он написал:

«Рейд в Бездну. Статус: успешно. Босс 99-го уровня уничтожен. Трофей — Большой Осколок Пустоты, передан Айле на исследования. Мой уровень повышен до 82.

Ключевой вывод: мой навык [Анализ слабости] (Ур. 10) впервые дал критический сбой. Внутри ядра Бездны он не просто перестал работать — он начал выдавать ложные данные. Я стал уязвим именно из-за своей веры в абсолютную точность анализа. Айла нашла решение, руководствуясь не вероятностями, а интуицией и медицинским сканером. Бездна — это не хаос, поддающийся расчёту. Это анти-логика, и для борьбы с ней нужны иные инструменты, в том числе — доверие к людям.

Айла пожертвовала почти половиной здоровья, спасая группу. Её действия были неэффективны с точки зрения холодного расчёта, но абсолютно необходимы для выживания. Я должен пересмотреть свой подход к управлению. Тотальный контроль — иллюзия, ведущая к гибели. Нужно искать баланс между системой и человечностью».

Он закрыл «Список», откинулся на спинку стула и посмотрел на перстень Гаррона, который всё ещё лежал на столе — символ его абсолютной власти и его абсолютного одиночества.

Завтра начнётся новый день. Завтра он продолжит строить свой порядок. Но теперь он знал, что этот порядок не должен быть идеальным — потому что идеальный порядок мёртв. Жизнь — это хаос, и, возможно, иногда нужно позволять ему существовать.

Айла оказалась права. Не в первый раз. И, наверное, не в последний.

Глава 5: Пятый ярус

Часть 1. Трещина в Абсолюте

Переход на пятый ярус Бездны не был похож ни на что из того, что Арт испытывал раньше. Не было ни портала, ни лестницы, ни гигантского тоннеля, ведущего в глубины этого противоестественного места. Они просто шли по зеркальному коридору четвертого яруса, отбиваясь от фантомов и выбирая правильные повороты, и в какой-то момент реальность вокруг них схлопнулась — беззвучно, мгновенно, как мыльный пузырь, лопнувший под пальцем гигантского ребенка.

Арт почувствовал это первым. Его навык десятого уровня, [Анализ слабости], который работал с перебоями, но всё же давал какую-то информацию, внезапно взвыл в его сознании потоком абсолютно противоречивых данных. Это была не тишина. Это был шум. Белый шум реальности, в котором любая попытка анализа тонула, как крик в водопаде.

— Стойте! — скомандовал он, и его голос, обычно холодный и уверенный, прозвучал с несвойственной ему резкостью. — Никому не двигаться.

Группа замерла. Они стояли в центре того, что можно было бы назвать залом, если бы у этого места были стены, пол и

потолок. Но здесь не было ничего из привычной геометрии. Пространство вокруг них напоминало абстрактную картину, написанную безумным художником: геометрические фигуры — кубы, сферы, пирамиды, торы — парили в багрово-черной пустоте, медленно вращаясь и меняя свои очертания. Один и тот же куб мог быть одновременно прозрачным и непроницаемым, находиться в метре от них и в бесконечной дали, иметь острые грани и быть абсолютно гладким. Законы физики, логики, да и просто здравого смысла здесь не работали.

— Что это за место? — тихо спросила Марта, не опуская мечей. Её голос звучал приглушенно, словно доносился сквозь толстый слой ваты. — Я не чувствую… ничего. У меня нет ощущения верха и низа.

— Пятый ярус, — ответил Арт, пытаясь привести в порядок поток данных, захлестнувший его сознание. Он активировал [Детерминированный анализ] на полную мощность, и перед его внутренним взором развернулась паутина из триллионов нитей. Но то, что он увидел, заставило его замереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.